

М. ГАНИНА

ТЯПКИН И ЛЁША

Майя Анатольевна Ганина

Тяпкин и Лёша

Москва

«Детская литература»

1977

— Поговори со мной, — проныл снова Тяпкин, положив на стол подбородок.
 — Мам, поговори со мной!

Не то чтобы он капризничал или собирался заплакать, я прекрасно знала, что он может повторять эти три слова одним и тем же тоном раз пятьдесят. Пока я не отложу свои бумаги и не начну скучным голосом что-нибудь рассказывать. всё равно что: Тяпкину необходимо общение.

— Все-таки ты ужасно бездарный человек, — говорю я, пытаюсь что-то писать. — Когда я была в твоём возрасте, дедушка запирает меня на целый день в комнате и уходил на работу. Ты бы целый день редела. А я придумывала всякие истории, разговаривала с мышкой...

— У тебя была мышка...

— Как будто была. Как будто. А когда дедушка купил мне настоящую черепаху, она мне надоела, потому что была живая и делала не то, что я хочу.

— Купи мне какую-нибудь черепаху, — предлагает Тяпкин. Ему только три года и два месяца, потому ему трудно понять, что такое «как будто была...».
 — Или котёночка.

— Лучше сядь на крылечке и придумай, что у тебя есть белочка. Как будто есть. Понарошке. Попробуй, и тебе сразу станет интересно. Иди, сядь на крылечке и поговори с белочкой, поиграй. А мне надо работать, иначе у нас не будет денег на конфеты и на платица. Вот я напишу эту книжку, получу деньги и куплю тебе новое шелковое платице. Иди на крылечко.

Мы, как и большинство молодых супругов, ждали мальчика, даже пеленки и распашонки купили голубые, как и положено для мальчика. И хотя родилась девочка, мы зовём её пока Тяпкин. Тяпкин — страшный модник, любит новые красивые тряпки, правда, я их не очень-то покупаю. Пока весь гардероб у него — одно шерстяное платье и два ситцевых. Ходит он главным образом в байковом застиранном костюме или, когда жарко, в трусах.

— А когда ты напишешь эту книжку?

— Во всяком случае, не сегодня и не завтра. Через очень много дней. Но я иногда буду разговаривать с тобой, если ты будешь хорошей девочкой. Иди поговори с белочкой.

— А потом я тебе расскажу, что она сказала.

— Хорошо. Иди.

Тяпкин идет. Садится на крылечке, положив ладони на колени. Целую минуту сидит спокойно, потом подтягивает носки, совсем уползшие в ботиночки, поднимается с видом человека, обремененного делом, лезет по лестнице на соседнюю террасу. Там живут Варвара Георгиевна и Иосиф Антонович,

научные работники. Варвара Георгиевна — человек добрый и к Тяпкину относится хорошо.

— Это кто пришел? — спрашивает она Тяпкина веселым, красивым, громким голосом.

— Это я, Люба, — отвечает Тяпкин.

— А я думала, это мальчик пришел, такой совсем стриженный.

— Ничего. Ещё вырастут. Густые вырастут, а то у меня жидкие были волосы, — отмахивается Тяпкин и подбирает на подоконнике конфетные бумажки. — Их кто ел?

— Девочки приходили в гости.

— Зачем давала? — спрашивает Тяпкин.

Такой прямой вопрос ставит Варвару Георгиевну в тупик. Она достает кулек с конфетами и протягивает Тяпкину.

— Возьми в эту ручку и в ту. У нас много конфет, видишь, какие мы буржуи!

Тяпкин берет конфеты в одну горсть и в другую, идет к двери. Однако Тяпкин очень общителен и одиночества не терпит.

— Мам, поговори со мной! — Он снова кладет подбородок на стол, следит за пером, ползающим по бумаге, потом протягивает руку и надавливает пальцем на свеженаписанное сырое слово. Слово превращается в кляксу. Я довольно сильно хлопаю по руке, губы Тяпкина кривятся сковородником, он делает несколько частых глубоких вздохов, и слезы проливаются градом. Теперь Тяпкин уйдет, я этому рада, хотя мне его жалко. Даже откладываю перо и, подперев щеку кулаком, грустно думаю, что я плохая мать. Затем мысли у меня снова обращаются к работе, я говорю себе успокаивающе: мол, это ничего, Тяпкин должен знать, что у родителей дела, должен уметь сам занять себя. И продолжаю водить пером по бумаге. Я только что вернулась из командировки со строительства железной дороги, там очень много интересного, мне хочется скорее написать об этом.

Тяпкин сидит на крылечке и плачет. Плачет сначала тихо, но с расчетом, чтобы я услышала, потом громко, даже делает в конце длинное привывание: «А-а-а!» Но я не слышу, и Тяпкин умолкает.

2

И тут к нему пришел Лёша. Тяпкин даже сам не ожидал, что к нему, зареванному, плохому, который всем мешал, может прийти кто-нибудь приличный.

Погода была скверная: небо всё в тучах, ветер гнал траву и цветы, они сильно текли по саду, точно вода в пруду. Было довольно холодно, и руки у Тяпкина покраснели.

Лёша сказал:

— Здравствуй. Меня зовут Володя. А тебя?

Тяпкин молчал, глядел на пришедшего, потом ответил мрачно, потому что у него было очень плохое настроение:

— Здравствуй, Лёша.

— Я не Лёша, я Володя, — вежливо поправил пришедший, — Меня зовут Володя, ты знаешь такое имя?

— Я всякое имя знаю, — высокомерно скривился Тяпкин. — Моего дедушку зовут Натоллий Андреич. А тут живёт дядя, его зовут Иосик Антонач. Я всякое имя знаю.

— А Володя — знаешь? — заискивающе улыбнулся пришедший. Он был хороший, у него была круглая жёлтая голова, толстые губы, очень большие круглые уши и вытаращенные глаза. И рыжие, жесткие, точно мочалка, волосы, вылезшие из-под коричневого, крючком, колпака. Он был совсем ещё несмышлениш.

— Садись, Лёша, — сказал Тяпкин и подвинулся.

Лёша сделал сто двадцать шажков по ступеньке, подошел совсем близко к Тяпкину, так что тот даже почти закрыл его полкой красного пальтишка, и сел, тоже положив широкие ладони на косточки коленей. Посмотрел на Тяпкина снизу, улыбнулся широченным ртом обиженно и добро и сказал снова:

— Ты потому сказал — Лёша, что думаешь, я леший, да? Я — нет. Я просто Володя. Человек Володя.

— У тебя рот, как у лягушки, — сказал Тяпкин.

— У человека тоже бывает рот, как у лягушки, — возразил Лёша.

— Бывает, у Петра Яколича, — согласился Тяпкин. — Только у него борода.

— У нас тоже есть, у какого борода, сказал Лёша и прикрыл свои острые, как у кузнечика, коленки горстками, чтобы они казались круглей.

— А он кто? — спросил Тяпкин.

— Такой один... У него борода серая. Или, наверное, зеленая. — Лёша вздохнул и поглядел на березу, там с ветки свешивался серо-зеленый лишайник. — А ты мне дашь чего-нибудь? Я кушать захотел.

— Конфету могу. — Тяпкин достал из кармана пальтушки конфеты, развернул одну и протянул Лёше. Он понимал, что Лёша ещё глупый и может съесть конфету прямо с бумажкой.

Лёша взял конфету обеими руками и, стал быстро есть. Зубы у него были остренькие, как у белки в зоологическом магазине. Тяпкин тоже стал есть конфету.

— Меня мама побила, — пожаловался он.

Лёша вздохнул и улыбнулся.

— А меня один раз бил дед Хи-хи. Таким сучком по спине.

— А кто дед Хи-хи?

— Такой один... Противный очень. У него лицо, будто лужа, когда дождик идет. И всё время так делает...

Лёша очень противно вывернул свои симпатичные толстые губы и передразнил деда Хи-хи, как тот хихикает. Тяпкин понимающе хмыкнул и сказал:

— Как Петр Яколич: «Любачка, а где твоя мамачка? Хи-хи!» — Тяпкин помолчал и спросил не сразу, потому что он понимал, что о таких вещах спрашивать неловко: — За что тебя побил этот твой Хи-хи?..

— Лезу везде без спросу. Всё хватаю.

Лёша деликатно не спросил, за что попало Тяпкину, но Тяпкин честно сказал сам:

— А я матери работать не даю. Она всё работает, работает...

— Тяпкин, — спросила я, высунувшись в окно, — ты с кем так громко разговариваешь? И что ещё за «матери»?

В окно я увидела только, что бедный Тяпкин сидит ссутулившись, словно старичок, на верхней ступеньке крылечка и что-то бормочет. На меня он посмотрел сердито и ничего не ответил.

— Ты с белочкой разговариваешь? — предположила я, не увидев никого в саду.

— Ни с какой ни с белочкой... — пробурчал Тяпкин, потом вдруг улыбнулся. — Мам, я уже посидела одна, можно, я пойду к тебе?

— Ещё немножко посиди, поговори с белочкой, потом я выйду, и мы пойдем на речку или к Галине Ивановне.

Как ни странно, Тяпкин не стал больше припрашивать я снова продолжала работу. А на крылечке опять послышалось какое-то бормотание.

А зачем она работает? — спросил Лёша. — Это твоя мать?

— Мама, — поправил Тяпкин. — Работает... Надо ей... Она мне, может быть, ребеночка родит. Играть... Живого ребеночка, как у Надьки.

— Я не видел, — сказал Лёша и попросил: — А ты дай мне ещё чего-нибудь. Я кушать хочу.

— Сахару хочешь?

— Давай.

Тяпкин прошел на кухню, стараясь не очень топтать, и долго шарил на столе, пытаясь дотянуться до сахарницы. Толкнул кастрюльку с молоком, молоко сплеснулось, тогда он эту лужу пальцем переправил в свою чашку, взял пять кусков сахара и снова пришел к Лёше.

Сахар Лёша сгрыз довольно быстро, скоблил его своими белыми зубками, а молоко он пить не мог, потому что край чашки не лез ему в рот. Тогда он нагнулся над чашкой и чуть не свалился в нее. Тяпкин еле удержал его за ботинок.

— Куда ты лезешь! — сказал ему Тяпкин сердито.

— Я очень молочко люблю, — тихо улыбнулся Лёша и присел возле чашки, положив ладошки на свои острые колени.

— Я дам! — Тяпкин даже привстал — так ему стало стыдно и жалко Лёшу. — Я тебе в ладошку давай полью!

Тяпкин стал лить молоко в Лёшину широкую сухую ладошку, но пролил мимо, а Лёша вдруг встал на коленки и начал пить прямо с пола. Тяпкин никогда не видел, чтобы кто-нибудь так пил молоко. Лёша вытягивал свои толстые губы дудочкой, вбирал в себя воздух — и молоко быстренько исчезало из лужи. Так у Тяпкина получалось только тогда, когда он играл со спринцовкой:

нальешь на пол водички, приставишь носик, нажмешь грушу — и пожалуйста, сухо. Лёша приподнялся на руках и посмотрел снизу на Тяпкина.

— Вот, — сказал он и виновато улыбнулся.

Тяпкин вылил ему всё молоко, что оставалось в кружке, и Лёша снова моментально втянул его в себя. Живот у него всё равно был круглый и жесткий, не поймешь, наелся он наконец или нет.

— Теперь ты уже не хочешь кушать? — спросил Тяпкин с надеждой.

— Нет... — неуверенно вздохнул Лёша и сел на ступеньке, свесив ноги.

Желтые его волосы намокли от молока и прилипли ко лбу.

— Сейчас я тебя причешу, — пообещал Тяпкин и пошел ко мне за расческой. Это было любимое его дело — причесывать кого-нибудь. У всех кукол были долыса вычесаны волосы. Таких кукол, которых можно было хорошо причесывать, тогда ещё не умели делать.

— Мам! — сказал Тяпкин. — Дай мне твою гребенку.

— Зачем тебе? — удивилась я. — Ты забыла, мы ведь отрезали тебе волосики. А куклам ты давно повыдрала.

— Мне всё равно надо.

Я дала, только бы он не приставал ко мне.

Когда Тяпкин с расческой вернулся на крылечко, Лёши нигде не было. Только наслезено мокрыми башмачками на всех ступеньках: видно, Лёша очень торопился убежать и ступал совсем мелко и часто. Следов тысячу было на ступеньках, но скоро они все высохли. Тяпкин постоял, подождал, позвал тихонько — никто не ответил. Тяпкин слез, заглянул под крыльцо, снова позвал, потом, сделав над собой некоторое усилие, покричал:

— Володь! А Володь! Володька-а-а!

Лёша не откликнулся. Конечно, съел все конфеты, напился молока, спросил обо всем — и убежал к другим детям. Тяпкин сел на крылечке и заревел так горько, что я отложила работу, обулась, и мы с ним пошли гулять — к Галине Ивановне.

3

На следующее утро после завтрака, к моему удивлению, Тяпкин довольно быстро пошел в сад. Утро было теплым, потому я разрешила Тяпкину надеть красивое ситцевое платье в горошек, новые сандалии, новые жёлтые носочки. В этом наряде Тяпкин выглядел довольно нелепо: ни мальчик, ни девочка, и потом, лицо уже загорело, а стриженная голова нет. На мой взгляд, с такой прической гораздо лучше ходить в байковом костюме или хотя бы в трусах.

— Надень панамку, — предложила я. — А то ты на чучело похожа. Голова от мальчика, а туловище от девочки.

— Не люблю я эту панамку, — огорченно сказал Тяпкин и разгладил ладонью платье на животе. — У меня красивое платье!

— Платье ничего, — согласилась я. — Не пойму только, с чего это ты так вырядилась? Из сада, пожалуйста, никуда не уходи, к Галины Ивановныным ребятишкам пойдем вместе. Я поработаю, и пойдем.

— Не хочу я к этим ребятишкам, они дураки все! — сказал Тяпкин и ушел.

Я выглянула в окно: он смиренно сел на крыльце. Положил ладошки на голые коленки и притих. Я убрала посуду со стола и начала работать.

Ждать Тяпкину, как он и надеялся, пришлось недолго. Вдруг на ступеньках крылечка послышался частый, но довольно сильный топот небольших башмачков, и тихий голос позвал:

— Э-эй! Э-эй! Здравствуй! Это я, Володя!..

Тяпкин мрачно и надутно сидел, его позвали опять:

— Ты спишь, да? Я, Володя, зову тебя!

— Я с тобой не разговариваю, — мрачно произнес Тяпкин.

Лёша огорченно сел на ступеньке, вытянув тонкие ножки, и оперся ладонями позади себя.

— Почему не разговариваешь? — робко спросил он.

— Не хочу. Я с такими вообще не разговариваю.

Лёша вздохнул, а потом объяснил:

— Я очень не люблю, когда причесывают. Зачем это?

— Я тоже не люблю, — согласился Тяпкин.

— У тебя нечего.

— Было. Отрезали.

— Больно резали?

— Немножко больно. Давай я тебе отрежу?

— Нет. Не надо. Мне нельзя.

Лёша помолчал, потом попросил:

— Принеси мне покушать чего-нибудь. Я очень кушать хочу.

Тяпкин пожал плечами и возразил сердито:

— Чего же ты дома не ел?

— Я дома не был. Я здесь спал. — Лёша показал растопыренной ладонью на остатки леса внизу участка. — Я домой никогда не пойду. Я с ними поругался.

— А кто у тебя дома? Только этот дед Хи-хи?

— Нет, ещё есть. — Лёша посчитал про себя. — Семь.

— Семь людей! — Тяпкин ахнул. — Тебе хорошо, можно всё время разговаривать с каким-нибудь человеком. Они работают?

— Да нет. Чего им работать, старые... Они меня выращивают.

— Ты их не любишь?

— Одного люблю.

— Он кто?

— Дедушка мой. Старичок совсем.

— У меня тоже есть дедушка.

— С бородой?

— Нет, он такой... Лысый. В очках Хороший.

— Зачем в очках?

— Видеть лучше хочет.

Лёша оглянулся вокруг, вздохнул и погладил себя ладошками по круглому твердому животу.

— Я тебе блин сейчас принесу, — сказал Тяпкин. — Мы с мамой любим блины. А ты?

— Я всё люблю. — Лёша улыбнулся. — А сахару принесешь?

— Ладно. Если мать даст.

Затем Тяпкин пошел на кухню, долго там шебуршился, стараясь не грохать и не привлекать моего внимания, взял блин, горсть сахарного песка и зачерпнул кружкой молока из кастрюли. Всё это он принес Лёше и разложил на ступеньке.

Лёша взял сахарный песок на ладошку и втянул губами, как молоко, но закашлялся так, что у него слезы выступили на глазах.

— Не в то горло попало, — сочувственно сказал Тяпкин. — Не торопись, наешься.

Он лил ему понемножку молоко из кружки, и Лёша, вытянув трубочкой свои толстые губы, втягивал молоко в себя. После каждой порции Лёша откидывался назад и довольно улыбался. Потом он съел блин и лег на ступеньке, раскинув ноги и закрыв глаза.

— Ты помер, что ли? — спросил обеспокоенно через некоторое время Тяпкин: уж очень долго Лёша молчал и ни о чем не разговаривал.

— Я вспоминаю, как я ел блин. Я никогда раньше не ел блин. Очень вкусно.

— Да. Мама говорит: пища боков.

— Да...

Утро было очень хорошее. Цвенькали синицы, красиво и громко пели зяблики, светило солнце, и цвели цветы. Трава осталась в саду и стояла сейчас высокая, зеленая, вся в шелковых петушках. Тяпкин оглядел всё это, довольно вздохнул и потер ладошкой стриженую голову: солнышко грело сильно и накалило лысинку.

— А твой дедушка всегда в очках? — спросил вдруг Лёша и сел.

— Всегда, — подумав и повспоминав, ответил Тяпкин.

— Он и ночью в очках спит?

— И спит. Чтобы сны лучше видеть. — Тяпкин почему-то ответил так, хотя был не очень уверен.

Лёша покивал головой. Шеи у него почти не было, так что ему трудно было кивать головой.

— А у нас там никого нет в очках... У нас там темновато.

— А где ты живешь? — Тяпкин давно хотел спросить Лёшу об этом, но как-то забывал.

— Там... — Лёша махнул рукой в неопределенном направлении. — Не очень далеко. За речкой.

— За ручьем, — поправил высокомерно Тяпкин. — В доме?

— Ну, в общем, да... Такой он, как дом... Почти как дом.

— А мать у тебя есть?

— У нас не бывает матери! — сказал Лёша презрительно и сжал губы. — У нас вообще только дедушки и мальчики. У нас этих нет... — Он вдруг подозрительно поглядел на Тяпкина и спросил: — А ты кто? Девочка или мальчик? Я вчера думал, мальчик.

— А тебе-то что! — сердито сказал Тяпкин. — Кто есть, тот и есть. Не твое дело. Уходи давай!

— Я просто так... — примиряюще сказал Лёша. — Я же не знаю, как тебя зовут.

Тяпкин подышал обиженно, потом ответил:

— Тяпкин меня зовут. А ещё Люба.

— Значит, ты и девочка и мальчик, — догадался Лёша. — А меня зовут Володя. Мальчик Володя.

— Володька у Галины Ивановны есть, — сказал Тяпкин. — Противный такой, всё время пихается...

Они посидели ещё, подумали, о чем таком можно было бы ещё поразговаривать, но больше пока разговаривать было не о чем, тогда Тяпкин предложил:

— Пошли гулять. А то мать выйдет и на тебя наступит. Она всё время на что-нибудь наступает. На моего зайку наступила вчера, он пищит, а она сама напугалась. Кричит: «Ты что это везде игрушки разбрасываешь!»

— Пойдем. — Лёша обеспокоенно встал. — Я не люблю, когда на меня наступают.

Они спустились с крылечка и пошли рядом. Лёша шагал очень мелко и часто, но попевал за Тяпкиным. А когда тропка стала совсем узкой и трава начала мешать Лёше идти, тут он вдруг высоко запрыгал.

Даже непонятно было, как он с такими, в общем, короткими ножками может так высоко прыгать.

— Не прыгай! — толстым нравоучительным голосом объяснил ему Тяпкин. — А то устанешь, и будет сердце болеть.

— Как — сердце болеть? — не понял Лёша.

— Как у дедушки. У него, бывает, сердце болит.

— Что ли, твой дедушка много прыгает?

Тяпкин этот вопрос оставил без ответа. Они прошли мимо ручья-речки, поторчали на берегу, посмотрели, как по песчаному дну завиваются водяные косички, Тяпкин сказал:

— У Галины Ивановны шкура от медведя есть. её муж привез. Он такой у нее, ничего... Хороший парень. Лысый такой.

— Я никогда не видел медведя, — забеспокоился вдруг Лёша. — Я хочу поглядеть.

— Там только шкура одна. На стенке прибили.

— Я и шкуру хочу.

Они поднялись из оврага и стали взбираться на горку. По счастью им никто навстречу не попадался, не задавал дурацких вопросов, почему такие небольшие люди разгуливают по поселку совсем одни и где мама? На полянке был привязан маленький белый козленок.

— Поглядим на него? — предложил Тяпкин и присел на корточки.

— Поглядим. — Лёша вдруг снова заволновался, засуетился, забегал, мелко семена ножками. — Я хочу его понюхать. Я очень хочу его понюхать! Можно, я его понюхаю?

— Я тоже хочу его понюхать! — обрадовался Тяпкин. — Он, наверное, хорошо пахнет, такой весь пушистый. Он, наверное, как кофточка пахнет. Нюхай! Я тоже потом.

Лёша подошел к козленку на близкое расстояние и остановился. Козленок тоже сделал ему навстречу два шажка и остановился, выпрямив коротенькие ножки. Затем он осторожно потянулся мордочкой к Лёше, а Лёша, приподнявшись на носках и положив на круглый живот ладошки, потянулся к козленку. Нос у Лёши был очень маленький и широкий, но вдруг курносый кончик его шевельнулся, круглые ноздри раздулись, и Лёша, полуприкрыв глаза, с наслаждением втянул воздух. Козленок, приоткрывая узенькие розовые щели носа, втянул воздух тоже. Они сделали по маленькому шажку, потом ещё по маленькому шажку, потом вдруг коснулись носами — козленок вздрогнул и отпрыгнул, Лёша вздрогнул и отпрыгнул тоже.

— Теперь я хочу его понюхать! — заторопился Тяпкин и пошел к козленку, но тот начал испуганно бегать, натягивая веревку, будто хотел непременно удушиться.

— Ладно, — отчаялся в конце концов Тяпкин. — Я его на обратном пути понюхаю.

Наконец они пришли к дому Галины Ивановны.

— Вон Володька! — сказал Тяпкин и прижался носом к изгороди. — Гляди, вон бежит, какой противный!

Лёша подпрыгнул выше травы, которая росла внизу, вдоль изгороди, и, обхватив штакетину ногами, повис на ней.

— Вижу... — сказал он. — Нет, ничего... Мальчик просто. Какие у него штанишки коротенькие! Мне нравятся... Я бы хотел такие штанишки.

Володя тоже заметил Тяпкина и подбежал к изгороди.

— Любка! — закричал он. — Ты одна пришла? Влетит тебе от матери.

Тяпкин высунул язык так, будто врач просил его показать горло, и произнес нечто вроде:

— Бе-бе-бе-э-э-э! Володька-болодька!

Лёша удивленно заглянул Тяпкину в рот и спросил:

— Ты что делаешь?

— Дражнюсь! — объяснил Тяпкин. — Это мы так дражнимся.

— Дура ты! — засмеялся Володька. — А это что за кузнечик? Или лягушонок?

— Сам лягушонок! — обиженно сказал Лёша. — Я Володя. Мальчик Володя.

— Это твой брат! — ехидно объяснил Тяпкин. — Твой брат, как ты: Володька-болодька!

— Это лягушонок! — повторил Володя. — Обыкновенный коричневый лягушонок!

Сунув в рот два пальца, Володя сильно засвистел и посмотрел на Лёшу, но Лёша не испугался, быстро перехватываясь по штакетине, долез до самого верха, так что оказался даже выше Володиных глаз, и тоже очень сильно и очень оглушительно свистнул, вытянув губы трубочкой, как если бы пил молоко.

— Вовка! — крикнул снизу из сада Володин старший брат Вася. — Генка с Павликом пришли. Пойдем на речку пескарей ловить. Бери сачок!

— Сейчас, — отозвался Володя и сказал Лёше: — Здорово, лягушонок. Свистни ещё.

Тут к изгороди подошла я, схватила Тяпкина за руку.

— Это я кому говорила, чтобы не выходить за калитку! Это ты почему не слушаешься?.. А ну пойдем домой, и к Галине Ивановне я тебя больше никогда не пушу!

Володя засмеялся и побежал к брату, проорав три раза:

— А Любке попало, а Любке попало, а Любке попало!..

Огорчившись за бедного Тяпкина и рассердившись на себя, я рванула его за руку и потащила домой.

— Ой, мама, Лёша! Ой, мама, Лёша! — зарыдал Тяпкин что есть мочи и сел на землю, выдираясь из моих рук. — Он без меня не найдет.

— Какой ещё Лёша! — совсем разозлившись, оглянулась я вокруг. — Кого ты ещё с собой притащила?

— Лёша! Он не здесь живет! Он потеряется! — Тяпкин ревел на весь поселок, и слезы лились потоком: очень ему было обидно, конечно.

— Ладно. — Я выпустила руку Тяпкина. — Найди сейчас же своего Лёшу, и пойдем отведем его домой!.. Его мама разрешила ему пойти с тобой? Тоже разумная женщина, он небось ещё меньше тебя?

— Меньше... У него нет мамы, — проворчал Тяпкин, всё ещё обиженно хлюпая. — Он с дедушками живет.

— Понятно, — язвительно вздыхала я, наблюдая, как Тяпкин рыщет по кустам. — И много у него дедушек?

— Семь, — ответил Лёша, вылезая из зарослей бузины.

Он, в общем, не показался мне странным, я даже не удивилась. Может быть, потому, что голова моя была занята работой.

— Это вот и есть Лёша? — спросила я обычным голосом. — Нашла себе дружка под силу!.. Ладно, пойдем отведем его, да обедать пора.

— А что вы будете обедать? — спросил Лёша, прыгая рядом со мной. С другой стороны, держась за мою руку, поспевал Тяпкин.

— Молочную лапшу на первое.

— А на второе? — спросил Тяпкин, потому что больше любил второе, а ещё больше третье.

— На второе сосиски, а на третье кисель из сухой вишни. Лёша даже остановился и отстал на несколько прыжков, нам пришлось его дожидаться.

— Я люблю молочную лапшу, — сказал он, догнав меня.

— Вот как? А Люба не очень. Хорошо. Пожалуйста, идём к нам. А твои семь дедов тебя не хватятся?

— Не хватятся, не хватятся! — обрадованно заторопился Тяпкин, обожавший общество и беседу за едой. — Они его никогда не хватятся, он от них совсем ушел! У него такой противный дед Хи-хи, как Петр Яколич.

— А дедушка хороший, — сказал Лёша грустно. — Он меня любит.

— Кто? — не поняла я. — Этот дедушка Хи-хи?

— Тот дед просто. А это дедушка. Один есть такой... Он хороший.

— Ну ладно, так ты домой пойдешь или к нам обедать?

— К вам обедать, — сказал Лёша и запрыгал впереди меня. Мы уже шли оврагом к нашей калитке.

— Идите мойте руки.

Я стала накрывать на стол. Не знаю уж, как там приспособился мыть руки Лёша, но, возвращаясь в комнату, он с деловым видом тер свои широкие деревяшечки, и лицо у него было серьезным и даже торжественным. Видно, деды держали его впроголодь.

— Куда же мы твоего лешонка посадим? — спросила я Тяпкина. — Прямо хоть на стол сажай.

— На стол сажай! Конечно, на стол сажай! — согласился Тяпкин. — Ты ему полотенце постели — и пусть.

— Я не лешонок! — обиделся Лёша. — Я мальчик Володя.

— Какой же ты Володя? — удивилась я. — А кто же тогда Лёша?

Я хотела посадить его на стол, но он прекрасно забрался сам по ножке стола и задержался на краю, стоя на коленках. Тут уж я взяла его поперек живота и

посадила на подстеленное полотенце. Не хватало ещё, чтобы он по чистой клеенке своими баретками топал. На ногах у него были какие-то деревянные квадратные башмачки.

Лёша сначала смирно сел, но, когда я налила ему в блюдце молочной лапши, он очень заволновался, заелозил, потом вскочил на ноги и плюхнулся на колени.

— Горячо, — сказала я. — Подожди, остынет.

Тяпкин придвинул к себе Лёшино блюдечко и стал дуть в него, а Лёша с другой стороны тоже стал дуть, они подняли тучу брызг, и я на них прикрикнула:

— А ну, перестаньте! Хватит баловаться!

— Я не балуюсь, — огорченно сказал Лёша. — Я очень кушать хочу.

Тут мне стало его жалко, я вспомнила, какой Тяпкин в младенчестве был страшный обжора, тоже никак не мог дождаться, пока остынет, и, утешая себя, повторял вслед за мной, пока я дула на кашу: «Дудут, дудут!..»

Короче говоря, я стала помешивать ложкой в блюдечке, дуть на молоко, а убедившись, что остыло, пододвинула блюдечко Лёше.

— Ешь, — сказала я. — Теперь не горячо. Но я все-таки не поняла, как тебя зовут — Лёша или Володя?

— Лёша и Володя, — сказал Тяпкин.

— Так не бывает, — возразила я.

— Бывает! — Лёша на мгновение оторвался от блюдечка. — Вон его зовут Люба и зовут Тяпкин.

— Тяпкин — это прозвище.

— И Лёша прозвище. — Он опять уткнулся в блюдечко, молоко и лапшинины исчезали в его вытянутых губах, точно в маленьком пылесосе. Где у него это всё помещалось — трудно понять, живот у Лёши был круглый и твердый, размером всего с небольшую картошку. Переваривалось, что ли, всё мгновенно? Потому, наверное, и энергии в нем было, как в приличной электростанции.

— Я очень молочко люблю, — сказал Лёша. — Только это с водой.

Тоже мне лактометр нашелся!

— У меня своей коровы нет, — обиделась я. — И потом, кто же это молочный суп на цельном молоке варит? Ладно, давайте есть второе.

Я положила нам с Тяпкиным по две сосиски, а Лёше половинку. Всё равно эта половинка была размером почти с его ногу.

Однако он быстренько сточил полсосиски мелкими белыми зубами, сел и со вздохом стал глядеть то мне, то Тяпкину в рот. Пришлось дать ему оставшуюся половинку, он съел её раньше, чем мы управились со своей порцией, сел вытянув ноги и с грустным видом уставился себе в колени. Картошку он, правда, есть не стал, хлеб тоже.

— Вкусно очень... — прошептал он.

— Сейчас будем есть кисель, — сказала я. Больше сосисок у меня просто не было.

Я налила ему в блюдце кисель, он, даже не попробовав, сказал:

— А сахару ты мне дашь?

— Он сладкий.

Лёша прижал к груди маленькие ладошки и сказал:

— Дай мне сахарку. Я очень сахар люблю.

— А конфеты? — поинтересовался Тяпкин. Надо сказать, Лёшин аппетит действовал на него ободряюще, он подъел всё подчистую. — Я конфеты ещё больше сахара люблю!

— Я очень сахар тоже люблю! — повторил Лёша, тревожно глядя на меня.

Я дала ему самый большой кусок сахара, и он стал точить его зубками не торопясь, держа перед лицом в своих шершавых ладошках и поглядывая на меня с такой благодарностью, что у меня просто сердце перевертывалось.

— У тебя мама-то умерла, что ли? — спросила я. Лёша почему-то смутился от этого моего прямого вопроса, пожал плечиками, улыбнулся, опустив глаза. И промолчал. Я не стала допытываться, может, у лешонков и матерей нет.

Кисель Лёша есть не стал. А Тяпкин спросил:

— Мама, можно я съем Лёшкин?

Я налила Тяпкину ещё чашку, он выпил, и глаза у него осовели.

— Идите спать, — сказала я. — Давайте укладывайтесь оба в гамаке в саду. И чтобы спать крепко-крепко и не болтать. А то я поразгоню вашу компанию.

— Мы не будем, — пообещал Лёша.

Тяпкин взял свое одеяло и маленькую подушку и пошел в сад. Лёша запрыгал следом.

Минут через двадцать, вымыв посуду, я пошла в сад, поглядела издали.

Тяпкин смирно лежал в гамаке, накрывшись одеялом, глубоко дышал. Лёши возле не было видно. Я решила, что он тоже спит где-то в саду, и пошла работать.

4

— Любк! — сказал Лёша, сев на веревочную перекладину гамачной сетки. — Я как по дедушке соскучился... — Он подождал, не ответит ли чего Тяпкин, потом спросил: — Любк! Любка?.. Ты, что ли, спишь?

Тяпкин не спал, но глаз ему открывать не хотелось и разговаривать — очень редкий случай — тоже не хотелось. Он тихо сопел носом и дрожал ресницами.

— Не спишь, я знаю, не спишь! — сказал Лёша. — У тебя эти косички на глазах дрожат!

У него самого на веках не было ресниц, потому, наверное, он не знал, как они называются.

— Это не косички, а реснички! — сказал Тяпкин, сердито приоткрыв глаза. — Не мешай, у меня мертвый час!

Они долго честно молчали, потом Лёша, вздохнув, сказал шепотом:

— Я очень по дедушке соскучился. Он такой старенький и меня любит.

— Я тоже соскучился, — сказал Тяпкин, чтобы не отставать от Лёши. — Мой дедка тоже давно не приезжал. Дней пять или десять.

— Не приезжал? — удивился Лёша. — На чем не приезжал?

— На поезде. Он в городе живет, в своей комнате. Он когда приезжает, конфет привозит, чтобы чай пить. Он чай любит, а я конфеты.

— Я тоже конфеты! — усмехнулся Лёша. — Чай — это такая вода, я знаю. Воды вон в речке — сколько хочешь пей... Или в луже... А когда он приедет?

— Не знаю. Он в кино очень любит ходить, а здесь этого нет.

— Дай я к тебе на подушку лягу, — попросил Лёша. — Подвинь свое лицо, и я лягу. Мне жестко на веревке сидеть.

Лёша перебрался на угол подушки и лег на спину, вытянув тонкие ножки в деревянных башмачках и сложив на животе ладони. Он долго лежал так, закрыв глаза, потом негромко спросил:

— Кино?... Я не знаю такое слово.

— Я знаю... — презрительно сказал Тяпкин. — Это так, не очень поймешь... Там такие люди ходят. И собаки ещё... Разговаривают, кушают, чего-то работают.

— Я такое кино люблю!.. — завистливо удивился Лёша. — Я бы тоже пошел в это кино, где кушают!..

— Ты, что ли, опять голодный?... — возмутился Тяпкин. — А ты бы хлеб ел! А то хитренький: сахарок хряп-хряп!

— Ничего я не голодный... — тоскливо и независимо ответил Лёша. — Я ничего не хочу, не приставай!

Он молчал очень долго, а Тяпкину уже хотелось разговаривать. Тяпкин кашлял, кашлял, ворочался, зевал, так что гамак ходуном ходил, потом наконец прошептал:

— Лёшк! А пошли к твоим дедкам-бородедкам сходим? А потом придем — мать молочка даст. Она мне всегда молочка дает после мертвого часа.

Они тихонько вылезли из гамака и пошли по тропе в овраг. Перебрались через ручей: Тяпкин перешагнул, а Лёша прыгнул в воду и плыл, сложив ладошки на животе, пока течение не прибило его к другому берегу. Тогда он вылез, быстренько припрыгал к Тяпкину, и они пошли зарослями ольхи, черемухи и малинника к Лёшиному дому.

В общем-то, это был никакой не дом, Тяпкин уж не стал говорить, чтобы не обидеть Лёшу. Просто гора такая из жёлтого песка, на ней разные сосны растут, а под сосной — дырка в горе. Лёша побежал в эту дырку, потом высунулся и крикнул:

— Это наш вход. Иди сюда!

Тяпкин, конечно, помнил, что я ему во всякие дырки руки совать не велела, там может змея быть. Тем более лазить в дырки. Но Лёша пошел в эту дырку,

и Тяпкин, став на четвереньки, пошел тоже. Змей Тяпкин не боялся, потому что он не знал, что это такое. К тому же он считал, что со всяким живым существом можно договориться.

Они долго лезли по узкой, длинной яме, Тяпкин полз сначала на четвереньках и думал, что это ничего: пойдем обратно, руки от песка можно в ручье отмыть и коленки у пижамы тоже. Потом дырка стала совсем узкой, пришлось лечь на живот, вытянуть вперед руки и ползти так, как ползают змеи, которых Тяпкин никогда не видел. Он пыхтел и сопел, потом впереди показался какой-то синий свет, и дырка стала немного шире. Тяпкин стряхнул песок с лица тыльной стороной ладони, протер глаза и попытался что-то разглядеть впереди. Лёша давно уже прыгал далеко впереди, изредка нетерпеливо оглядываясь на Тяпкина: пыhtiшь? Тяпкину песок попал в глаза, ему стало очень больно, а вытереть было нечем, потому что пижама, руки, лицо, даже волосы — всё было в песке. Глаз совсем не смотрел, Тяпкин тер его тыльной стороной грязной ладони, представлял, как ему влетит от меня, и готовился пореветь как следует. У него это прекрасно получалось: рот разевался шире лица, глаза сжмуривались, начинался долгий, со вкусом, с переливами рев.

— Неуклюжие все-таки вы, люди, — усмехнулся Лёша. — Толстые очень.

— Дурак ты! — сказал Тяпкин. — Привел! Это и не дом вовсе, просто дырка в горе. Вот как я сейчас зареву, у вас всё отвалится!

— Не надо, — забеспокоился Лёша. — Зачем тебе реветь?

— Мне песок в глаз попал.

— Дай я выну.

Лёша поскакал обратно, приподнял своими толстыми и короткими, не очень ловкими пальчиками веко Тяпкину и сделал вдруг такое движение, будто он пил молоко. Весь песок из глаза выскочил прямо Лёше в рот. Лёша сплюнул, утерся ладонью и сказал:

— Вот... Всё уже у тебя?

— Всё, — проворчал Тяпкин. — Пошли теперь, а то мне домой надо.

— Это у нас вход такой, — объяснил Лёша. — Это чтобы не лазил никто. Понимаешь? Мы не любим, когда к нам лазают. А дома у нас хорошо. У нас всё есть: кровати, стульчики, чашки, ложки.

— А шкаф есть? — спросил Тяпкин.

Дело в том, что у его кукол тоже были кровати и стульчики, но платяного шкафа не было. Правда, на даче у нас тоже не было шкафа и наши немногочисленные платья мы вешали на плечиках на гвоздь и закрывали сверху газетой. Но дома в Москве теперь у нас был большой платяной шкаф, облицованный ореховой полированной фанерой — вполне роскошная вещь, покупали мы его всего два месяца назад. Тяпкин очень радовался такому обзаведению, потому что у всех девочек в нашем переулке шкафы были

давно, а у нас не было. Теперь шкаф имелся и у нас, и Тяпкин считал, что порядочный дом должен быть со шкафом. Он и ко мне всё подкатывался, чтобы я ему шкаф для кукол купила наконец.

— Какой шкаф? — удивился Лёша.

— Такой. Ну где платья вешают.

— Платья?.. — Лёша замялся. — У нас нет платий. Мы все дяди.

— У дядев тоже бывают... — Тяпкин подумал. — Пиджак. Его вешают в шкаф. Папа вешает.

— У нас не носят пиджак. У нас так просто.

Тяпкин промолчал, потому что не знал, что сказать. Потом вспомнил:

— Мой дедушка тоже пиджак не носит. У него рубаха такая... военная.

— А шкаф у него есть?

Тяпкин снова повспоминал:

— Нету шкафа. У него только стол один. И ещё диван. И полки, там книжки стоят.

— Вот видишь! — обрадовался Лёша. — У дедушков не бывает шкафа. У нас тоже есть стол и ещё диван.

— А книжки?

Лёша подумал. Но он не знал ещё, что это такое — книжки, и потому сказал очень презрительно:

— Нет. У нас этого никогда не бывает.

Впереди стало совсем светло и довольно просторно: светло, как ночью, когда сильно светит луна. Тяпкин испугался и спросил Лёшу толстым от страха голосом:

— Лёшк? Они там, что ли, все, наверное, мертвые?

— Почему? — огорчился Лёша.

— А светятся, как ночью.

— Не-ет! — Лёша хихикнул. — Это у нас лампочки такие из дерева, синие. Так красиво.

Наконец они доползли до места, где кончался подпесочный ход и начиналась круглая, как половинка от разорванного мяча, комната. Лёша попрыгал внутрь этой комнаты, а Тяпкин поднялся на четвереньки и стоял так, разглядывая то, что увидел.

В общем, тут было красиво. Стенки были из белого песочка, очень чистые, стол и диван из жёлтого песочка, и сверху очень плотненько всё выложено чешуйками еловых шишек, получался такой красивый узор.

«В Москву приеду, я такие диванчики у нас на горке построю! — подумал завистливо Тяпкин. — И пусть Танька подавится. И Маринка. И Ленка. Ишь какие дедки-бородедки, как выдумали сделать!»

На стене над столом были сделаны полки, на них постелены чистенькие листочки подорожника и малины, а на листочках стояла посуда. Сразу Тяпкин даже не мог понять, из чего она сделана, потом понял: из половинок речных раковин, очищенных и отполированных до блеска. В свете синих деревянных лампочек эта посуда светилась, как волшебная.

Стол был накрыт скатертью из толстой, красивой паутины. Практичный Тяпкин зацепил пальцем за край и тихонько потянул, но паутина и не думала рваться: она была очень прочная. В дальнем полукружии комнаты стояло семь кроватей, на них, закрывшись теплыми коричневыми одеялами, спали семь старичков.

— А чего они спят? — удивился Тяпкин. — Заболели?

— Нет. — Лёша подбежал к одной из кроваток. — Они днём всегда так спят. Они ночью ходят.

— А мой дедушка никогда не спит, — похвастался Тяпкин. — Он днём разговаривает, а ночью книжку читает.

— А очки? — вспомнил Лёша.

— В очках читает книжку.

— А сны видит в очках, ты сказал.

— Видит... — Тяпкин вспомнил, что иногда, когда он просыпался рано утром, то заставлял деда спать. — Дедушка только утром спит. И тогда видит.

— Дедунь, — ласковым, нежным голосом позвал Лёша и присел на корточки возле кровати. — Дедунь, это я пришел!

Старичок отодвинул одеяло, потянулся, причем Тяпкин услышал, как громко захрустели у него все кости. Это напоминало хруст сухих сосновых шишек, припасенных для самовара. Потом старичок быстро сел на кровати, опустив тоненькие ножки, схватил Лёшу за щеки и поцеловал его вытянутыми толстыми губами. Втянул шумно воздух, точно как Лёша, когда хотел понюхать козленка, потом снова поцеловал его, погладил по спине, по животу, засмеялся тихонько.

— Лёша... — сказал он слабым, добрым голосом. — Где ты пропадал? Я так скучал по тебе!

«Мамка бы мне как дала! — подумал Тяпкин. — Сказала бы: «Я волнуюсь, с ума сошла, а она хо-одит!..» А этот: «Лёша, Лёша, где пропадал!..»

— Вот видишь! — сказал Тяпкин вслух. — Тебя же Лёшей зовут. Я же знал.

— Это здесь. А там не зовут Лёша, — огрызнулся Лёша неохотно, видно, не хотел посвящать старичков в свои внешние дела.

— Это кто? — спросил старичок и строго посмотрел на Тяпкина. — Кого ты сюда привел, Лёша?

— Я у них живу, — промямлил Лёша. — Я его в гости позвал.

— Его? — удивился старичок. — Это же девочка.

— Он не девочка, — возразил Лёша. — У него волос нет на голове. Он мальчик.

— Она девочка, — твердо сказал старичок, слез с кровати, аккуратно закрыл её коричневым одеялом и потер лицо ладошками.

— А вы водичкой разве не умываетесь, когда встаете? — заинтересованно спросил Тяпкин. Он не любил умываться.

— Нет. — Старичок усмехнулся: — Зачем? Так и сгноиться недолго. Вода — вещь ненужная.

— Меня мать заставляет умываться. Говорит всё время: «Люба, умойся, Люба, умойся!» Прямо надоело.

Тяпкин из подхалимажа представил мать в очень неприглядном свете, у него и голос даже стал брюзгливый и противный.

— У тебя лицо другое совсем, — возразил Лёша. — У тебя мягкое лицо и пахнет кожей. А у бабушки жесткое и травой пахнет. — Лёша вздохнул. — У него хорошая мать. Она мне молочка давала, и сахарку, и ещё блин.

— Блин — это очень вкусно, — сказал старичок грустным голосом.

— Блин — пища боков, — вспомнил Тяпкин.

— Говорят: пища богов, — поправил его старичок. — Я знаю. Я давно живу.

— Мама говорит: пища боков. — Тяпкин вздохнул. — Мама вечером ещё будет блины печь. Я тоже блины люблю. С вареньем.

— Я один раз ел блин, — сказал старичок. — Очень давно, когда я такой, как Лёша, был. Мне девочка одна давала. Только она красивая была девочка, у ней волосики были белые с бантиком и на штанишках кружавчики белые. И платице белое с кружавчиками.

Старичок улыбнулся, вздохнул и сел на диван, поскрипев сухим телом по шишечным чешуйкам.

— У меня нет такого платица, — обиженным толстым голосом сказал Тяпкин и посмотрел на выпачканные песком рукава и грудь пижамы.

— У тебя, тоже красивое платье, — вспомнил Лёша. — Такое красное, в белый горошек. Мне нравится.

— У меня волосиков нет, — грустно возразил Тяпкин.

— Я не люблю волосы, — скривился Лёша. — Ерунда какая-то! Только всякие листья сухие цепляются, иголки от елки!..

— Да, в общем... — сказал старичок и поразбирал пальцами спутанную зеленоватую бороду. — А молочка я тоже очень давно не пил.

— Лёшк! — мрачно сказал Тяпкин. — Я пойду. А то мне знаешь как мать даст!

— Пойдем... — Лёша вздохнул и погладил дедушку по худенькой коленке. — Я пойду, дедуш. Я у них буду жить теперь.

— А я как же? — спросил старичок и вдруг заплакал. — Мне без тебя скучно очень... И потом, я давно молочка не пил. Я молочка хочу.

— Ой! — вскрикнул Тяпкин и почувствовал, как у него сжалось от жалости сердце. — Дедушка, ты не плачь! Я тебе дам молочка, и Лёшке дам, и всем. Вы все приходите к нам, тут недалеко. Я вам свой блин отдам!..

Тяпкин был добрым человеком, и сердечко у него было отзывчивое. Он запыхтел и пополз задом в дырку, сказав на прощание:

— Приходи, дедуш. Я тебе больше всех дам молочка. Я тебе и сахарку дам.

— У него зубов нету, — сказал Лёша.

— Эх ты, Лёшка! Бросил старичков... — проворчал грустно Тяпкин и уполз в дырку совсем.

Скоро он выбрался на белый свет, оглядел себя и понял, что пижама пропала, лучше её запрятать где-нибудь в кустах и идти домой голышом. Так он и сделал.

5

— Ты что голышом разгуливаешь? — спросила я дочь, когда она появилась на пороге дома в туфлях на босу ногу и больше ни в чем. — И чем это жёлтым у тебя лицо вымазано?

— Так просто, — проворчал мой ребенок и пошел к умывальнику. — Мам, — заявил он, вернувшись, — я блинов хочу.

— На ужин сделаем, — пообещала я. — А пока иди молочка с хлебушком попей.

Тяпкин загрохал кастрюлькой на кухне, а я продолжала работать.

— Мамочка! — позвала меня из сада Варвара Георгиевна: она меня всегда так называла, наверное, в назидание Тяпкину, который звал меня то «мамка», то «мать», то «мамаха» и лишь изредка «мамуля». — Мы с Иосифом Антонычем гулять ходили и недалеко от нашей калитки чью-то пижамку нашли. Это не Любочкина там в кустах заблудилась?

Я вышла на крыльцо, увидела в руках Варвары Георгиевны очень мне знакомую пижаму, всю перемазанную в песке и глине, растерянно взяла, произнесла «спасибо» и посмотрела на дочь. Тяпкин сидел на крылечке, держал в одной руке большой ломоть хлеба, в другой кружку с молоком, его стриженная голова была упрямо опущена.

— Как она там оказалась, Люба? — спросила я голосом, не сулившим ни мне, ни дочери ничего хорошего. Честно говоря, я не очень-то люблю ссориться с Тяпкиным, и если мне случается его отшлепать в сердцах, я огорчаюсь после гораздо больше, чем дочь. Все-таки Тяпкин — хороший ребенок, хотя и шkodник и упрямый.

— Как она туда попала, я спрашиваю? — повторила я.

— её кто-нибудь украл, — тихо сказал Тяпкин, не поднимая головы.

— Вот как? Очень интересно. Иди-ка в комнату, ложись в постель, и пока ты мне всё не расскажешь, я с тобой разговаривать не буду и гулять ты не пойдешь. Лёшу я к тебе тоже не пущу.

— Мне его и не надо, — проворчал Тяпкин и, упрямо уткнув подбородок в ключицы, пошел в комнату, бросив по пути Варваре Георгиевне: — Нечего вам находить чужие пижамы, раз никто не просит!

Я отвесила Тяпкину подзатыльник, но ребенок мой даже не хлопнул.

— Ишь, героиня! — сердито сказала я, взяла бидон и пошла за молоком к соседям. В общем-то, я тоже была сердита на Варвару Георгиевну: нечего находить чужие пижамы, раз не просят.

Дулись мы друг на друга часа полтора. Я сидела, работала, Тяпкин лежал голый на постели и сопел обиженно. Потом наконец он поднялся, подошел к столу и встал — подбородок прижат к груди, руки сложены сзади, голый пузик выпячен вперед. И молчит. Я делала вид, что не замечаю Тяпкина, увлечена работой.

— Мам? — вымолвил наконец Тяпкин басом.

— Да? — не сразу отозвалась я.

— Я больше не буду.

— Чего не будешь?

— Пижамку в кусты кидать.

— А зачем ты её туда кинула?

— Она грязная была.

— Почему это она оказалась грязная?

— Я к Лёше ходила, он в горе живет. Где песочная горка такая, знаешь?.. А дырка очень узкая.

Так, слово за слово, мы восстановили картину преступления, и я Тяпкина простила. Правда, все эти басни про старичков, кровати из песка и посуду из ракушек всерьез не приняла. Просто ходил мой ребенок повозиться в песке — он очень любит песочные домики строить, — а остальное выдумал. Надо натаскать будет песочку в сад, пусть возится, а то скучно одной. Про Лёшу я как-то не вспоминала: может, его и не было вовсе. Мы помирились и стали печь блины. Тут пришел Лёша.

Тяпкин первый услышал топот крохотных ножек на ступеньках крыльца, вышел посмотреть и сообщил мне:

— Мам, Лёшка приперся. Давай ему есть.

— Подождет, — сказала я недовольно. — Сейчас кончу блины печь, будем все ужинать. И вообще не морочь мне голову своим Лёшей, старичками и прочей мурой. Мне работать надо.

Тяпкин ушел на крыльцо, потом вернулся.

— Мам, дай молочка.

— Возьми в кастрюле.

— Мне надо все.

— Зачем? Ты лопнешь. И Лёша твой лопнет.

— Я не ему.

— А кому?

Тяпкин долго молчал, памятуя, что про старичков и «прочую муру» я ему говорить запретила.

— Там ежики... — сказал он наконец неуверенно.

— Где это? Какие ежики?

— Возле калитки. Папа, мама и пять ежичков маленьких. Они кушать хотят.

Хоть я и не больно поверила, тем не менее пошла за миской перелить молоко, чтобы ежикам удобнее было пить. Я сама люблю всякое живое и Тяпкину не мешаю любить. Тяпкин, пока я ходила, насовал в карманы байковой куртки сахару, взял три блина и сунул за пазуху. Стойко терпел, потому что блины жгли ему тело.

— Давай я отнесу мисочку, а то ты разольешь.

— Я сама. Они от тебя убегут.

Взял мисочку и тихонько пошел вниз по тропке к оврагу. Лёша запрыгал следом.

Пораздумав, я тоже пошла за ними: вдруг мой сердобольный ребенок бродягу какого-нибудь подкармливает или собаку бешеную. За себя я никогда не боялась. А вот с Тяпкиным мне разные ужасы мерещатся.

Тяпкин вошел в еловый лесок, росший по низу участка, спросил Лёшу:

— Где твои старички?

— Вон сидят, — сказал Лёша. — А мне ты дашь? Я тоже очень кушать хочу.

— А тебе не дам вот. Ты жадный... Мне вот дедушка говорил: «Когда вырастешь, я буду совсем старенький, больной, и ты мне куска хлеба не дашь». А я ему дам. Я ему и хлеба, и молочка, и мяса дам. И ещё конфет...

Я разозлилась, что отец болтает ребенку всякие глупости, и тут вдруг увидела, что навстречу Тяпкину гуськом идут семь маленьких старичков.

Впереди совсем старенький, без шапки, седой, как лишайник, а следом шестеро в остроконечных разноцветных колпачках. У каждого старичка в руках была беленькая красивая мисочка из перламутровой раковины.

— Вот! — торопливо заговорил мой ребенок. — Я вам молочка принес. И сахару. И ещё блины. Ешьте давайте! Я вам всегда носить буду. Много!

Старички наперегонки рванулись к миске, только самый старенький, без шапки, стоял в стороне, сложив на животе руки, и грустно смотрел, как убывает молоко. Точно через дырку утекало. Блины, сахар — всё исчезло в момент, старому дедушке не досталось ни кусочка. Лёше тоже не досталось.

Тогда Тяпкин сел на землю, развез губы сковородником и заревел.

— Не реви! — сказала я. — Лёшу мы дома покормим, а старенькому дедушке я сейчас отдельно кружку молока принесу и блин. Нашла из-за чего реветь!

Я принесла старому молока и блин. Он вежливо поклонился мне, быстро, так же как его внук, заглотнул блин, полизал сахар: зубов у него, как мне показалось, не было. Потом склонился над чашкой с молоком и стал тянуть его, с наслаждением закрыв глаза.

Остальные старички сидели рядышком на сухой хвое и смотрели. Потом они всё так же гуськом пошли за калитку, а Лёша отправился с нами.

— Приходите и завтра, — пригласила я старичков. — Милости просим.

Они вежливо поклонились мне, только один, самый толстогубый, вдруг смешно чмокнул губами, а второй, хихикнув, сказал:

— Только вы ни на что не рассчитывайте! Хи-хи!

— На что не рассчитывайте? — Я удивленно пожала плечами.

Но старички уже подтолкнули в затылок этого деда Хи-хи и отправились домой. Они были очень старые и шли медленно.

Мы вернулись домой, поужинали тем, что осталось, потом все вместе прогулялись до соседского дома. Я забежала туда сказать, что с завтрашнего дня будем брать молока на два литра больше.

6

Наконец-то приехал мой отец, Любашкин дедушка, теперь можно съездить в город за продуктами. Раньше мы с Тяпкиным обходились тем, что было, но такую ораву прокормить местными ресурсами мне, конечно, не под силу. Старички, несмотря на преклонный возраст, ели много и отнюдь не придерживались молочно-растительной диеты. Они ели все, что я им давала, исключая вещи несущественные — чай, кисель и компот. Мясные и рыбные консервы им нравились наравне с молоком, а брынза, пожалуй, больше всего.

Короче говоря, я попросила деда остаться на сутки с Тяпкиным, осторожно сказав, что человек завел себе подопечных ежей и скармливает им вечером кастрюлю молока, — мешать ему в этом не следует.

— Ты не ходи с ней, — попросила я. — Спугнешь зверят, реву будет на весь лес.

Я опасалась, что дед поругается со старичками. Он был у нас характерный, неуживчивый и почему-то терпеть не мог своих ровесников. Дружбу он заводил с молодыми. Тем не менее я побаивалась, как он примет Лёшу. Но тут всё обошлось довольно просто.

— Это ещё что за чучело? — спросил дед, увидев Лёшу.

— Я не чучело, а Лёша, — сказал Лёша обиженно.

— Откуда ты взялся? — Деду, судя по всему, понравилось, что «чучело» разговаривает.

— Я в лесу живу, — объяснил Лёша и показал рукой в сторону песчаной горы.

— А ты и спишь в очках?

— Нет, я их снимаю и кладу на стол.

— А они тебе зачем?

— Книжки читать.

— А Любка говорит, чтобы лучше сны видеть!.. — Лёша посмеялся, тараща глаза, потом попросил меня: — Мама, купите мне очки в городе, я тоже хочу книжки читать.

— Очки тебе ни к чему, — сказал дед. — Ты же видишь буквы?

Он открыл какую-то детскую книжку и показал Лёше.

— Вот буква «А», видишь?

— Вижу «А»! — обрадовался Лёша. — И вот вижу «А», и вот я вижу «А».

— Я тоже вижу «А»! — ревниво сказал Тяпкин. — И ещё я «М» знаю. «М» и «А»: «Ма-ма»! Вот.

Я пошла на станцию спокойная. Теперь деду хватит на сутки развлечения — обучать лешонка и Тяпкина грамоте. Дед выучил меня читать в четыре года, сестренка читала уже в три с половиной, ну, а Тяпкин может складывать слоги в, свои три года и два месяца. И это не потому, что очень уж способный — Тяпкин, пожалуй, самый ленивый из нас, — просто деду сейчас делать нечего.

— Дедуш, — сказал Тяпкин, — давай поразговариваем.

Тяпкин сел на крыльце, положив ладонки на колени, и посмотрел на деда снизу. Лёша сел рядом с Тяпкиным, вытянув ноги, и оперся руками позади себя. Так сидеть ему было удобней, чем когда он ноги свешивал. Лёша тоже посмотрел на деда снизу. Дед, в общем, чем-то походил на его старичков: нос большой, зубов нет, шея морщинистая, голова лысая, немножко белых волос у висков и на затылке, на носу очки.

«Ничего, — подумал Лёша. — Неплохой дедушка у Любки. Хороший парень».

— Сейчас чай вскипачу, потом посмотрим, — сказал дед, разжег керосинку и поставил на неё чайник. У него круглые сутки на керосинке кипел чайник, беда просто, сколько он керосину тратил, а ходить за ним было далеко.

— Будем чай пить? — дипломатично спросил Лёша.

— А ты чай любишь? — обрадовался дед, решив, что нашел себе сочашника.

— Крепкий чай, брат, я тебе скажу, — незаменимое дело.

Лёша гмыкнул что-то неопределенное, но Тяпкин жестоко сказал:

— Никакой он не чай любит! Он и кисель тоже не любит и компот. Он твердое любит — конфеты!

— Я люблю и мягкие конфеты, — скромно возразил Лёша. — Такие шоколадные...

— Ну, хорошо. — Дед, как ребенок, которому дали новую игрушку, снова взял книжку и сел на крыльце рядом с Лёшей. — Чай закипит скоро, а пока посмотри сюда: это какая буква?

— «А», — без особого труда узнал Лёша. — И вот «А», а вот «О», а вот эта, как домик...

— Не домик, а «Д», — ревниво сказал Тяпкин и подвинулся так, чтобы Лёше не было видно книжку на коленях у деда.

— Дедуш, я тоже хочу смотреть.

— Подожди, — отмахнулся дед и, потеснив Тяпкина, вывернул книжку так, чтобы видел её только Лёша. — А где ещё «Д»? А вот рядом «О», а вот «М». Что вместе вышло?

— Дом! — торопливо выдохнул Тяпкин, ожидая, что дед его похвалит, но дед сердито сказал:

— Не мешай, Люба! Я же не тебя спрашиваю! Я знаю, что ты знаешь.

— А я не знаю, — проворчал Тяпкин. — Я всё давно позабыла про твои книжки. Ну и пожалуйста, я уйду.

Тяпкин сполз со ступенек, медленно хлопаясь задом на каждую, ожидая, что дед его поругает, чтобы он не рвал и не пачкал штанишки, но дед занялся своим Лёшенькой и на Тяпкина внимания не обращал.

Тогда Тяпкин пошел по дорожке вниз до калитки, потом постоял у калитки. Никто его не позвал. Тогда он побрел тропкой вдоль ручья по оврагу, увидел беленького козленочка и встал на четвереньки, чтобы его понюхать. У козленочка уже выросли маленькие рожки, ноги тоже стали подлиннее, вообще он был уже вовсе не такой мягонький и шерстяной, как прежде, когда его нюхал Лёша. Тяпкин всё же потянулся к козленку носом, тот тоже потянулся, потом вдруг встал на дыбки и нагнул голову.

«Ка-ак боднет! — подумал угрюмо Тяпкин и отполз в сторону, куда у козленка веревки уже не хватало. — А Лёшка там сидит, конфеты ест!» — подумал он дальше, поднялся и пошел домой.

И точно. Чай уже закипел, дедушка заварил маленький чайничек, налил себе в стакан черного чаю, сидел и пил, изредка приговаривая: «А-ах, а-ах!..» Лёшка сидел и грыз сразу две конфеты: одну — соевый батончик, вторую — мятную.

— Ну, где ты ходишь? — добродушно спросил дед и опять сказал: — А-ах! Давай я тебе чаю налью.

— Не хочу я твоего чаю! — сказал сердито Тяпкин и посмотрел с завистью на Лёшу.

— Ну тогда возьми себе конфетку на столе, — согласился дед и снова налил себе полный стакан чаю.

— Ты постуди, — посоветовал Лёша, — постуди, и он остынет.

— Зачем? — удивился дед. — Я люблю горячий чай.

— А тебе больно, когда ты пьешь?

— Нет. С чего ты взял?

— А ты плачешь.

— Это он не плачет, — объяснил Тяпкин. — Это ему вкусно...

— А я твоего козленка нюхал, — сказал он погодя. — Противный такой, бодаться хотел...

— Вырос уже, — равнодушно сказал Лёша. — Большие, они всегда бодаются. Дедуш, давай читать, — заторопил он деда.

Дед, отставив в сторону свой любимый чай, разложил снова перед Лёшей книжку и стал его спрашивать, где какая буква. А Лёшка отвечал всё правильно, и дед радовался. Потом Лёша прочитал одну подпись под картинкой, потом другую, и дед, очень довольный, сказал Тяпкину:

— Видишь, как мальчик старается? Если бы ты так старалась, давно бы научилась читать и матери не мешала.

— Я и не хочу стараться.

— Не можешь, потому и не хочешь. Книжки — это целый мир. Без книжек будешь дура душой, на кухне с кастрюльками. — Как всегда, дед забывал, что его собеседнице три года и два с половиной месяца. Спорил он с ней на равных и на равных обижался на Тяпкина, а мне приходилось их мирить.

Чай сбегал на керосинку, дед пошел, снова заварил, долил остатки воды из ведра в чайник и сказал Тяпкину:

— Ладно, пойдем за водой.

По-моему, это было любимое занятие деда — ходить за водой. «Я сегодня восемь раз за водой ходил!» — говорил он мне, когда я спрашивала его, отчего он так устал. «Зачем же именно восемь раз?» — «Ты .знаешь, я без чаю не могу!» — «Но тебе с твоим сердцем вредно выпивать за день восемь ведер чаю», — ехидно говорила я, и дед, поняв, что он попал впросак, оправдывался: «Ну, посуду мыли... Ты знаешь, я не могу без воды».

Просто у него чайник за чайником выкипал на керосинке, и если я утром наливала керосинку полную, то вечером находила её совершенно пустой.

— Пошли, — обрадовался Тяпкин и взял свое маленькое ведерко.

Колодец был на той стороне оврага, за линией железной дороги, шли они до него довольно долго, гремели ведрами. Тяпкин тоже весело грохал своим ведерком, а Лёша прыгал впереди.

Наконец они дошли до колодца, а Лёша вдруг сказал:

— Дедуш, а я могу написать «Лёша».

И написал на песке своей широкой ладошкой: «Лёша». Дедушка похвалил его, назидательно взглянув на Тяпкина. Тяпкин засопел ревниво, а когда Лёша залез на сруб колодца и нагнулся, чтобы посмотреть в воду — он очень любил смотреть в воду и не боялся ее, не то что старички, которые опасались, что сгниют, — Тяпкин тихонько толкнул Лёшу в спину, и тот упал в колодец.

Тяпкин испугался и заревел. Дед тоже испугался и долго вычерпывал лешонка из колодца. Тот плавал сверху, но дед никак не мог его подцепить ведром, потом достал, посадил на солнышко греться: Лёша очень замерз.

Дед сказал Тяпкину:

— Дрянь ты все-таки девочка! — Это у него было самое сильное ругательство.

Тяпкин огорчился и пошел домой один, с пустым ведром. Шел и ревел. И через линию переходил, не смотрел на поезд — пусть его нарочно задавит, но поезда тут ходили очень редко.

Хорошо, что я вернулась вечером, не стала ночевать в городе. Дед читал в комнате, Лёши не было, а Тяпкин сидел на крылечке в одном платье, весь замерзший и всё ещё ревел. Он весь распух от слез.

Не стала я разбираться, кто прав, кто виноват, сходила за молоком, напоила насильно Тяпкина и уложила спать, побежала покормить старичков, но старички либо не дождались, либо вовсе сегодня не приходили. Вот тебе и съездила за продуктами!.. Мисочку с молоком я, однако, оставила в лесу, утром она была сухой.

7

Дед ушел утром совсем рано, даже не попрощавшись с нами. По правде говоря, хотя мне было очень неприятно, что всё так получилось, но при чем тут я? И к тому же дед в таких ситуациях каждый раз забывал, что Тяпкин ещё совсем маленький. Часто и я забывала об этом, спрашивала с него, как со взрослого.

Тяпкин проснулся, но долго лежал, притворяясь, что ещё спит, потом я сказала ему:

— Вставай, вставай, я уже завтрак приготовила, всё равно не спишь!

Он мрачно встал, натянул пижаму, умылся и сел завтракать, положив подбородок на край стола, чтобы не видеть никого. Я думаю, он не знал, здесь дед ещё или уехал, и боялся, что тот опять начнет его ругать. Съел все, что я ему положила, выпил чашку молока и ушел в сад. Не остался на крыльце, как обычно, а пошел в уголок сада, примостился на пенечке, положив ладони на колени, и сидел так, смирный и подавленный. Мне было видно его из окна, когда я отрывала глаза от работы.

Я нарочно не говорила с ним про Лёшу, ждала, пока он сам заговорит. И потом, на свежую голову мне всегда казалось, что никакого Лёши нет и не было.

Посидев, Тяпкин начал расхаживать по саду, заложив руки за спину.

Варвара Георгиевна, поднимавшаяся по тропке с ведрами, спросила, почему он такой мрачный. Тяпкин сначала не отвечал, потом сказал:

— Потому что у меня плохое настроение. И никого об этом не спрашивают!

Я сделала вид, что не слышала разговора, не хотелось мне его ругать. Наконец где-то перед самым обедом он пришел ко мне, встал молча возле стола, заложив руки за спину, нагнув голову и выпятив живот, — в своей любимой позе.

Потом освободил одну руку и потер ладошкой стол возле моего локтя. Я подняла голову.

— Мам, — сказал Тяпкин.

— Да?

— Я не хотела утопить Лёшку.

— Ты нечаянно его толкнула?

Тяпкин помолчал, соображая, не лучше ли сказать «нечаянно», потом, однако, произнес:

— Чаянно... Только Лёшка сам мне говорил, что не утонет. Он нарочно в ручей прыгал. Он легкий.

— Ты забыла, что в ручье водичка теплая, а в колодце ледяная.

— Я забыла. Забыла, да! — обрадовался Тяпкин, но я не поддержала его.

— Нет, ты это прекрасно помнила. В колодце можно от одного холода умереть, а уж заболеть-то непременно. Наверное, Лёша заболел.

— А где заболел? — Глаза у Тяпкина налились слезами.

— Я не знаю. Может, домой пошел, а может быть, лежит где-то под кустом и у него температура.

— Пойдем его поищем, мама, пойдем! — заревел Тяпкин. — Я больше никогда не буду толкать его в колодец! Мне его жалко-о-о!..

Рев стоял оглушительный, но я Тяпкина не утешала и не жалела, потому что, конечно, поступок был свинский. Подождав, пока он наревелся вдоволь, я сказала:

— Ладно, давай пойдем поищем.

Мы лазили по оврагу часа два до самого обеда, но никого не нашли. После обеда Тяпкин спал, я работала, а потом мы попили молока и отправились в гости к Галине Ивановне. Однако долго мы здесь не засиделись, потому что, пока я разговаривала с Галиной Ивановной и её мужем, Тяпкин запустил в Володю камнем за то, что тот его дразнил, а Володя довольно сильно ударил Тяпкина ногой. Галина Ивановна Володю отругала, но синяк у Тяпкина на бедре повыше колена всё равно был здоровенный.

Володя вполголоса продолжал дразнить чем-то Тяпкина, тот молча сопел, потом сказал:

— А зато Петр Яколич говорит, что у твоей мамы голос очень противный. А у тебя ещё противней! Вот!

Мы с Галиной Ивановной сделали вид, что ничего не слышали, но через некоторое время я поднялась, взяла Тяпкина за руку, и мы пошли домой. А что делать?

У Галины Ивановны было лирическое сопрано, и она который год пыталась поступить в труппу Большого театра. Консерваторию она из-за детей не окончила: дочка родилась, когда Галина Ивановна училась на втором курсе,

потом родился сын, потом второй сын. Короче говоря, только сейчас, когда все дети подросли, она снова возобновила занятия пением. На мой тогдашний взгляд, думать об этом было поздно: Галине Ивановне уже исполнилось двадцать девять лет, мне она казалась женщиной пожилой, тем более что и на самом деле у неё в волосах мелькала седина, веки одрябли и фигура сделалась довольно грузной.

Наш старик хозяин сам до выхода на пенсию играл в оркестре Большого театра и через многочисленных знакомых своих пытался как-то помочь соседке.

Но, с другой стороны, я собственными ушами слышала, как он говорил Варваре Георгиевне, что у Галины Ивановны голос сильный, но противный... Что мне было делать с Тяпкиным? Отругать? Но ведь он сказал правду...

Мы молча и грустно шли с ним по тропке над оврагом, смотрели, как садится солнышко.

— Не надо тебе было так говорить, — сказала я, вздохнув. — Галине Ивановне ведь обидно. Она старается-старается петь...

— Сама знаю... — пробурчал Тяпкин и добавил: — Пускай не бьется своей ногой паршивой.

— Так ведь это Володя тебя ударил, а не Галина Ивановна...

Тяпкин замолчал и долго шел молча. Когда мы дошли до нашей калитки, то оба посмотрели с надеждой вокруг, но никого не было. Войдя на участок, мы поглядели на то место, где стояла миска. Возле неё тоже никого не было.

Тогда мы пошли домой.

Честно говоря, мне тоже не хватало Лёши. Как-то я за последнее время привыкла к нему.

— Мам!.. — сказал вдруг Тяпкин. — Погляди, кто там есть.

Я остановилась. Снизу от оврага к нашей миске неторопливо направлялись два ежа. Шли они с разных сторон и независимо друг от друга; один был совсем ещё малыш, его почти не видно в сумерках в траве, второй побольше, но тоже небольшой. Они шли, торопливо переваливаясь, под худенькой шкуркой у обоих так и ходили лопатки. То один, то другой останавливался, высовывал из травы мордочку с черным, загнутым на конце носом, глядел направо, потом налево, потом, покивав головой, опять скрывался в траве.

— Там нет молочка! — прошептал сокрушенно Тяпкин. — Давай дадим ежикам молока!

— Надо бы... — согласилась я, — Только пока мы за ним сходим, ежики уйдут.

Я шагнула с тропы — оба ежика замерли и полусвернулись.

Тогда я подняла маленького; он свернулся совсем тугим комочком, но меня иголки даже больших ежей не кололи, не то что такого крохи. Какой тут был секрет — не знаю, всё дело, наверное, в том, как относиться к тому, что ты держишь в руках — моток колючей проволоки или такую вот чудашную зверюгу.

— Ты его взяла? — восхищенно сказал Тяпкин. — А тебе не больно? Он колючий? Дай, я его потрогаю.

— Подожди. — Я знала ещё один фокус и решила порадовать им своего ребенка. — Смотри.

Я положила ежонка на ладонь и стала поглаживать его по встопорщенным колючкам. Через мгновение иголки обмякли, ежонок шевельнулся, я почувствовала ладонью его мягкий горячий живот. Высунулся черный нос и черная, с длинными крепкими когтями лапка.

— Ой, ма-а-мочка... — Не часто мое чадо называло меня мамочкой.

Мы пришли домой, положили пока ежонка в хозяйственную сумку на молнии, чтобы он никуда не делся, сходили за молоком, налили мисочку в овраге, а потом дома налили молока в блюдце и вынули ежонка. Я макнула его носом в молоко, однако пить он не стал, чихнул два раза и замер, полусвернувшись возле блюдца.

— Пей, дурачок! Тебя никто не трогает! — сказал Тяпкин покровительственно-заискивающим басом и подтолкнул ежонка к блюдцу. Тот, смешно

свесившись всеми иголками набок, фукнул, поддал руку Тяпкина и снова замер.

— Он ещё не привык, Тяпик, — сказала я. — И есть при нас не станет. Давай спать, а завтра поиграем с ним. Молочко он ночью съест.

В комнате было душно, так что спали мы с Тяпкиным на терраске, прямо на матрасе. Я вообще люблю спать на полу, так мне удобнее. Тяпкин тоже любит спать на полу. И потом, ещё я люблю спать с Тяпкиным: он маленький, мягкий, пахнет парным молоком и спинка у него горячая.

Тяпкин долго не мог заснуть, хотя лежал смирно и не вертелся. Я чувствовала, что он не спит, потому что он был весь напряжен. Вдруг в комнате раздалось какое-то гроыхание, затем гроыхание повторилось, потом послышался невнятный писк.

— В мои игрушки играет! — сказал Тяпкин восторженно-испуганным голосом. — Тузика нажимает. Мамочка, пусты! Не отнимай! — прошипел он, видя, что я встаю.

— Ночью надо спать, — сказала я, пошла в комнату и зажгла свет. Наш маленький гость сидел у стены и поддавал иголками Тузика — резиновую собачку с пищалкой. Не думаю, чтобы он принял её за лягушонка: ведь лягушонок не пахнет резиной. Он в самом деле играл. Так я и сказала Тяпкину, который прилепал следом за мной поглядеть, что тут происходит.

Молоко было выпито досуха, игрушки, которые Тяпкин перед сном аккуратно складывал в углу, разбросаны, железный грузовичок валялся посреди комнаты.

— Ну знаешь! — Я все-таки возмутилась. — Нашел время поиграться! — Поймала ежонка, улепетывавшего под стол, и снова засунула его в хозяйственную сумку, бросив туда старенькое полотенце и газеты, чтобы он мог сделать себе постель.

После этого мы легли спать и сразу заснули: было уже поздно. Утром, когда мы встали, ежонок, видно, ещё спал: в сумке было тихо. Я раскрыла сумку. Малыш спал на боку, полусвернувшись, сопел черным носом, нежным колечком белел подшерсток. Совсем он был ещё кроха и ребенок, не напугался, когда Тяпкин сунул палец в середину этого теплого живого комка и почесал ему живот. Он только свернулся чуть крепче и продолжал спать.

— Ничего, разбуди его, пусть позавтракает с нами, — сказала я. — А то он опять нам ночью спать не даст.

После завтрака Тяпкин, вспомнив, наверное, свое давнее житье с котенком, привязал бумажку на веревку и, покрутив её перед носом ежа, тихонько поволок. Я думала, что тот не станет реагировать на ничем не пахнущий движущийся комок, но ежонок напрягся, следя за шевелящейся бумажкой, и вдруг стремительно побежал, за ней. Тяпкин дернул её сильнее вбок — ежонок не успел сменить направление, проехался по доскам пола мимо,

развернулся, побежал снова. Тут Тяпкин зазевался, и ежонок цапнул бумажку мертвой хваткой. Тяпкин потянул веревку — ежонок, не выпуская добычи, повис, поджав к животу худые мохнатые лапки с длинными когтями.

Какая уж тут была работа! Мы провозились с ежонком целое утро, потом я стала готовить обед, а Тяпкин пошел к Варваре Георгиевне попросить спичек, чтобы разжечь керосинку: всё время забываешь их купить. Я топталась у стола, чистила и резала овощи, а наш малыш, видимо войдя во вкус игры, вдруг набросился и довольно больно цапнул меня за большой палец босой ноги.

Наверное, он принял шевелящиеся пальцы за что-то живое и съедобное, а может, просто соскучился и решил продолжать игру. Я тряхнула от неожиданности ногой — нападавший шмякнулся о стенку.

Когда Тяпкин пришел со спичками, я, конечно, рассказала ему, как малыш принял мой палец за лягушонка. Тяпкин повосхищался, похохотал, потом, посчитав, что я не смотрю, снял сандалии и, подступая к обиженному ежонку, стал тихонько шевелить перед его носом босыми пальцами:

— Ну что ты? На, ешь, на, ешь!..

Не выдержав искуса, ежонок хватанул-таки палец. Тяпкин заревел, тряхнул ногой, ежонок снова отлетел к стенке. Впрочем, реветь человек сразу перестал, а я сделала вид, что ничего не заметила.

После обеда Тяпкин и ежонок легли спать, а я села работать.

Так мы прожили неделю. Тяпкин вроде бы не поминал Лёшу, забавляясь с новым жильцом, а Лёша не появлялся. Однако пора было отпустить маленького в овраг, чтобы он снова привык к жизни на воле и, когда придет время, начал бы готовиться к зимовке. К тому же Тяпкин все-таки его мучил. Хотя и не велено было ему брать зверюшку в руки, но, едва я отворачивалась, Тяпкин в избытке нежности хватал ежонка поперек живота, таскал по комнате, приговаривая: «Малы-ыш, малы-ыш, кто тебя обижает!..» И самое удивительное, что ежонок покорно сносил такое обращение, пожалуй, оно ему даже нравилось. За неделю он сделался совсем ручным, и я боялась, что излишнее доверие к людям не пойдет ему на пользу в будущем.

Тяпкину наш гость скоро поднадоел. Однажды я подсмотрела такую сценку: человек в хмурой задумчивости сидел после завтрака на крылечке, ежонок выбежал на порог, покрутил носом и, спустившись до той ступеньки, где был Тяпкин, — делал он это очень лихо: просто сваливался с одной ступеньки на другую, — стал проситься на руки. Ему очень нравилось, когда его держали на коленях и, сильно нажимая, гладили по спинке: видимо, он воспринимал это как лечебный массаж. Тяпкин сердито отодвинул маленького в сторону и сказал:

— Ну тебя! Уходи домой, я не буду больше с тобой играть! Ты всё равно не разговариваешь!..

Увы! Тяпкину необходимо было с кем-то разговаривать, а ежонок при всей его общительности этого не умел.

Короче говоря, как-то вечером мы хорошо покормили нашего малыша, вынесли на полянку перед домом и пустили на траву. Ежонок побежал в одну сторону, потом в другую, потом выбрался на тропинку и потопал вниз к оврагу, неторопливо и деловито, словно служащий, возвращающийся домой с работы.

Поспела земляника. Как-то после дневного сна, взяв по эмулированной кружке, мы с Тяпкиным пошли в овраг. Сначала мы собирали ягоды на одной полянке, потом Тяпкин перешел на другую, тут же, за кустиками, я всё время прислушивалась, как человек пыхтит и бормочет что-то, ползая по траве. Потом вдруг бормотание смолкло; я подождала, послушала, позвала — молчание. Я побежала за кусты — никого не было. Тогда я начала метаться по оврагу, кричать, звать Тяпкина, пока не охрипла. Сбегала домой, вернулась, села на тропе и стала ждать. У меня ещё оставалась слабая надежда, что он просто ушел к Лёше.

8

Так оно и было. Тяпкин давно уже собирался пойти к Лёше: пускай старички сильно поругают его, но без Лёши он больше не мог жить, потому что было очень скучно. Однако убежать всё не удавалось: когда он пытался добраться втихую до калитки, я выходила на крыльцо и звала его обратно. А сейчас всё случилось само собой, он даже и не думал убежать, собирал землянику и вдруг увидел ту самую песчаную гору, где жил Лёша, и под корнями большой сосны — дыру, через которую прошлый раз они с Лёшей входили к ним домой. Долго не раздумывая, Тяпкин встал на четвереньки, взял в зубы веточку земляники — он из хитрости рассчитывал задобрить старичков, угостив их земляникой, — и полез в дыру.

Лез он долго, было темно, страшно, и песок снова попал в глаза. Тяпкин стал тереть глаза и вдруг напугался, подумав, что, может быть, это не Лёшин вход, а чей-нибудь ещё, кого-нибудь ужасного; вдруг тут правда живёт змея.

Он уже хотел было зареветь и полезть назад, как вдруг увидел впереди знакомый синий свет, ход расширился, и Тяпкин оказался в комнате, где жили старички.

Было не убрано всё и плохо, старички сидели на стульчиках и плакали.

Они долго не замечали, что Тяпкин пришел, а Тяпкин не решался окликнуть их, потом все-таки сказал:

— Вы чего все плачете?

Дед Хи-хи подбежал к Тяпкину, сердито крича какие-то плохие слова, но Тяпкин точно не разобрал какие, потому что напугался.

— Я вам землянички принес, — сказал Тяпкин и лег на живот, потому что от страха коленки и руки у него стали совсем слабыми.

— Наш Лёша очень болен, — сказал старенький дедушка и вытер широкой ладонью слезы с бороды. — Он очень болен, он от холодной воды гниет... В том колодце, в который ты его толкнула, была очень холодная вода... Он умрет, и у нас никого не останется родного.

— Это я виновата, — проревел Тяпкин; ему стало жаль старичков. — Я никогда больше не буду толкаться...

— Мы тебя накажем! — крикнул дед Хи-хи.

— Мы с тобой знаешь что сделаем! — тоже очень громко закричал дед Сосун.

— Ты сюда зачем пришла?

— Я очень по Лёше соскучилась! — плача и хлюпая носом, говорил Тяпкин, пытаясь всё же разглядеть, где лежит Лёша, и наконец увидел его.

Лёша лежал на своей самой маленькой кровати, закрытый тремя одеялами из сухого мха. Одеяла часто-часто поднимались и опускались — это Лёша так дышал.

— У него же температура, — сказал Тяпкин. — Ему надо молочка горячего пить с маслом. И ещё горчичники...

— Где же мы возьмем горячего молочка? — грустно сказал старенький дедушка. — У нас никогда не бывает ничего горячего...

Тяпкин хотел было сказать, что он принесет молока, но потом подумал, что, пока дойдешь, оно остынет и всё прольется, а во-вторых, вряд ли его пустят сюда. Скорее всего, нет.

— Можно я возьму Лёшу к нам? — спросил тогда Тяпкин. — Моя мать таких больных детей всегда лечит. Она умеет. Я тоже иногда так болею.

— Нет! — закричал дед Хи-хи. — Мы тебе его не отдадим никогда! Ты его опять станешь бросать в холодную воду!

— Мы лучше тебя саму толкнем в холодную воду! — сказал дед Сосун.

— Этим горю не поможешь, — серьезно возразил старенький дедушка. — Мальчик очень болен и, наверное, сгниет. Сами мы не можем его спасти. — Он помолчал, подумал и решил: — Хорошо. Я знаю, что ты вообще-то незлая девочка, просто ещё глупая. Возьми нашего Лёшу, может быть, твоя мама сможет его вылечить. Она добрая.

— Не всегда, однако... — возразил Тяпкин, представив, как ему влетит дома за то, что он ушел без спросу и мама волнуется. — Иногда добрая...

Он вздохнул, взял Лёшу, завернутого в одеяло, и пополз назад. Вышел на тропку, весь от макушки до пяток перемазанный в песке, подошел ко мне — я уже не чаяла увидеть его живым. И протянул мне Лёшу.

— Мама, — сказал мой ребенок басом. — Лёша помирает, у него температура.

Я даже не стала его ругать: что толку? Пришла домой, вскипятила молока и стала из ложечки поить Лёшу, тот был без сознания. На ночь я ему сделала масляный компресс и завернула в свою шерстяную кофту. Раз два за ночь я поднималась посмотреть, жив ли ещё Лёша: очень он был плох. Дышал по-прежнему тяжело, волосы от пота намокли и прилипли ко лбу, но температура вроде бы стала спадать. Под утро я ещё раз согрела ему молока и напоила с ложечки, потому что видела: во рту у него от жара пересохло. Лёша молока попил и снова забылся.

Утром, когда мы проснулись и вошли в комнату, Лёша лежал с открытыми глазами, заложив руки под голову, и смотрел на нас.

— Ну как, ты живой? — спросила я.

— Живой... Здравствуйте, — сказал он очень слабым голосом. — Я так болел... — Он посмотрел на Тяпкина и добавил: — Я совсем ничего не помню.

— Ладно, зато мы все помним и потом тебе обязательно расскажем, — остановила я готового каяться Тяпкина. — Главное, ты пока выздоравливай. Кушать хочешь?

— Не очень... — вяло ответил Лёша, и я поняла, что опасность ещё не миновала.

Мы снова напоили Лёшу теплым молоком, позавтракали сами, потом я спросила его, любит ли он вообще солнце, можно ли ему быть на солнце. Мне очень хотелось вынести его на солнышко: летом при простуде оно лучший лекарь. Но, может быть, лешатам солнце противопоказано? Они, насколько я знаю, жители темных мест и гуляют преимущественно ночью.

— Я очень люблю солнышко, — сказал Лёша. — Я скучал по нему, когда болел.

Мы с Тяпкиным вымыли посуду, причем на этот раз мой ребенок так старался, что не разбил ни одного стакана. Потом мы все вышли на полянку.

Было девять часов, солнышко ещё светило низко и ласково. Я постелила на траву махровое полотенце и положила на него Лёшу. Лёша лежал, закрыв глаза, и улыбался, а мы с Тяпкиным разговаривали.

Через час мы унесли Лёшу в комнату и уложили спать, а когда он проснулся, услышав, что я звякаю посудой, приготавливая обед, то полежал некоторое время молча, глядя в брусчатый, освещенный солнцем потолок нашей комнаты, и, улыбаясь, робко попросил:

— Вы мне дадите чего-нибудь покушать? Я очень кушать хочу.

— Дадим, дадим! Мы тебе много покушать дадим! — запрыгал от радости Тяпкин.

— Конечно, дадим! — подтвердила я. Мы поняли, что теперь Лёша будет жить.

— А книжки у тебя ещё остались? — спросил Лёша Тяпкина, съев тарелку молочной лапши и две котлеты. — У тебя есть книжки с буквами?

— У меня целый воз есть книжек! — гордо сказал Тяпкин, приволок этот воз на мою постель, и они с Лёшей стали вспоминать буквы.

Так мы и начали снова жить втроем. Сначала всё шло мирно и прекрасно, и это меня тревожило: зная характер моего ребенка, я не очень-то верила в эту тишину. Однако так продолжалось целых три дня. Утром, после завтрака, Тяпкин осторожно выносил Лёшу на солнышко, на расстеленное одеяло, потом притаскивал ворох растрепанных книжек, и они принимались их листать. Я сшила Лёше беленькую шапочку, чтобы не напекло голову, и он

очень радовался и гордился этой шапочкой, без конца снимал её и надевал, так что скоро захватал всю руками. Я поглядывала в окно, отрываясь от работы: здесь ли ребята, — и видела две склоненные над книжками головы в беленьких панамках.

Тяпкин довольно хорошо помнил содержание каждой книжки, водил по страницам пальцем и рассказывал, делая вид, что читает. Лёша сначала ему верил, слушал с широко открытыми глазами, потом стал спрашивать, где какая буква, а Тяпкин начал сердиться. Он терпеть не мог, когда его уличали в том, что он чего-то не знает.

— Я читаю! — услышала я на четвертый день нашей спокойной жизни сердитый голос Тяпкина. — А ты не слушаешь! Я тебе не буду больше читать!

— Просто я тоже хочу читать научиться... — робко возражал Лёша. — Вдруг ты устанешь и не захочешь больше, тогда я сам... Потому и спрашиваю: это какая буква?

— Взрослые люди читают без букв! — опять закричал Тяпкин. — Моя мама кладет на стол книжку и делает вот так...

Тяпкин взял книжку и стал усиленно поворачивать голову в одну и в другую сторону, видимо изображая, как я читаю про себя. Хотя, конечно, вряд ли читающий про себя человек сильно крутит головой, глаза действительно бегают — это да.

— А тогда буквы зачем? — удивился Лёша.

Тяпкин важно помолчал, соображая, потом объяснил:

— Для красоты. Когда просто одна белая бумага, некрасиво очень. А когда есть буковки, тогда ничего...

Тут я решила вмешаться, дабы мой ребенок не приучался быть самонадеянным невеждой.

— Что это ты тут такое интересное рассказываешь, Тяпик?.. — подойдя к спорщикам, спросила я ехидно. — По-моему, кто-то тут чего-то не понимает, а делает вид, что понимает. Хорошо ли это?

Обрадованный Лёша растолковал мне, о чем они спорят, и я, стараясь говорить просто, объяснила ребятам, зачем люди придумали буквы, научив бумагу разговаривать. Посрамленный Тяпкин молчал, надувшись, а Лёша сразу начал спрашивать, как называется вот эта буква и как та, старательно повторял, потом вдруг вытащил из растрепанного вороха одну книгу, раскрыл и прочел: «Жила-была на свете девочка, звали её Красная Шапочка...» — остановился, изумленно глядя на меня, и крикнул:

— Мама, ты послушай, как красиво: жила-была на свете девочка...

Он смотрел на меня своими круглыми синими глазами с удивлением и восторгом и улыбался. Я тоже улыбнулась, пожалев, однако, что это лешонок, а не Тяпкин почувствовал скрытую музыку слов и изумился этому.

— Очень красиво, — согласилась я и укоризненно сказала дочери: — Вот видишь, Тяпик, какое у Лёши чуткое ушко, ты ведь этого не услышала...

— У Лёшки уши, как у лягухи! — сердито подразнился мой ребенок. — Я и без него всё сама слышу... Вон дедушка с поезда идет! — закричал вдруг

Тяпкин и побежал навстречу деду, растопырив руки. — Деда, деда! А Лёшка нашелся!

Очень все-таки хорошо, что Тяпкин не был злопамятным.

— Я в этом не сомневался, — отмахнулся дед. — Куда это чучело денется! — И сказал мне: — Тебя в редакцию вызывают срочно. Видишь, даже меня ухитрились разыскать. Поезжай сейчас.

Я забеспокоилась, потому что, когда срочно вызывают в редакцию, это редко бывает хорошо. Однако прежде чем уехать, я натаскала деду воды во все пустые кастрюли и очень просила, если, несмотря на это, ему всё же вздумается пойти за водой, то ребят с собой брать не надо: Лёша после болезни не окреп; пусть играют на полянке, никуда не ходят.

Потом я уехала, но сердце мое было беспокойно.

9

Впрочем, к счастью, в этот день ничего плохого не случилось.

Прежде чем разобрать свои сумки — Тяпкин надеялся, что там есть разные вкусные вещи, — дед зажег керосинку и поставил чайник. Тяпкин и Лёша потащились на терраску, где мы жгли обычно керосинку, чтобы не пахло в комнате, понаблюдали, как дедушка вытряхивает в помойное ведро маленький чайничек, как моет стакан, как стирает со стола и ставит посуду. Потом дед принялся переобуваться, чтоб отдохнули ноги; Тяпкин же, не выдержав, спросил:

— А ты нам ничего не привез?

— Я не знаю, чего бы ты хотела! — проворчал дед. — Я так торопился с этой паникой, что только возле вокзала успел заскочить в магазин.

— Чего-нибудь... — Тяпкин пожал плечами и поскреб пальцем по столу. Он стоял у стола, положив одну ладонь и подбородок на край, и ждал, когда дедушка будет наконец доставать всё из сумок. Не то чтобы он был голодным, просто ему было интересно.

— Деда, — подключился к разговору Лёша умненьким подхалимским голоском, — а мы будем пить чай?

— Ты имеешь в виду конфеты? — усмехнулся дед. — Я думаю, что будем. Я буду чай, а вы конфеты и ещё кое-что. Только дайте мне очухаться.

— От кого отчухаться? — спросил Лёша.

— От поезда. Народу много, душно, жарко. Устал я.

— Лёшка не знает поезда! — мстительно сказал Тяпкин. — Он его не видел никогда. Я ему в книжке показывала, а он никогда этого не видел.

— Ничего страшного, — назидательно возразил дед. — Вот ты, например, не видела подводную лодку.

— Видела, — соврал Тяпкин. — Я всякую лодку видела. Такая она просто лодка под водой.

— Это ты видела утонувшую лодку, — не уступил дед. — А есть специальные металлические подводные лодки: в них глубоко под водой плавает много людей для научных и военных целей. Поняла?.. Не стыдно не видеть чего-нибудь, стыдно не стремиться узнать. А Лёша вот стремится.

Неизвестно, к чему бы привел этот разговор, поднимающий со дна души Тяпкина всякую муть, и каким боком это опять обернулось бы для Лёши. Но тут, к счастью, закипел и вылился на керосинку чайник, дед заспешил, стал заваривать чай, кутать оба чайника в одеяло и, наконец, к великому удовольствию Тяпкина и Лёши, принялся за сумки.

Сначала он достал пакетик с «Золотым ключиком», потом кулечек со «Школьными», потом пакетик с «Васильком» и «Ромашкой», потом отдельно две «Мишки». Тяпкин и Лёша встречали каждый пакет воплями восторга, а когда дед достал кулек с финиками, кулек с первыми в этом году мелкими яблоками «белый налив», мягкий батон с изюмом, два бублика и банку шпрот, то уж тут Тяпкин и Лёша просто всё время без умолку выли, точно волки в лесу: «У-у-у-у...» Дед довольно улыбался, хотя обычно он Тяпкину шуметь не велел: от шума у деда болела голова.

Им теперь было хорошо и весело: дед пил свой черный чай, закрывая от удовольствия глаза и постанывая, а ребята быстро съели конфеты и принялись за финики, показывая друг другу и дедушке обглоданные косточки, чтобы не проглотить, а то подавишься. После этого они съели яблоки и по полбублика, выковыряли из батона изюм и подождали, не даст ли им дед чего-нибудь ещё. Но шпроты дедушка открывать не стал, сказал, что оставит их к обеду. Тогда ребята взяли куски батона с выковыренным изюмом и отнесли их в мисочку старичкам. Старички любили белый батон и без изюма.

Когда они вернулись, дедушка уже кончил пить чай и предложил пойти на речку, если Лёша достаточно хорошо себя чувствует.

— Достаточно, достаточно! — закричал Лёша и спросил: — А на какую речку?

— На настоящую! — важно объяснил Тяпкин. — Не на твой паршивый ручей. На настоящую, глубокую, там все купаются и плавают, там — с ручками!

Дедушка снял рубаху — он любил за городом загорать и не боялся солнца, — надел белую фуражку, но не от солнечного удара, а просто потому, что стеснялся ходить при незнакомых людях с лысой головой, взял полотенце, велел ребятам надеть панамки, и они все отправились на речку.

Сначала Лёша немножко отставал, потому что после болезни забыл, как надо прыгать, но скоро вспомнил, развеселился и запрыгал высоко и весело, то обгоняя дедушку и Тяпкина, то задерживаясь возле какой-нибудь интересной ему вещи. Им встретился их старый знакомый козленок, он был уже совсем большой, и, когда Тяпкин захотел погладить его по спинке, козленок встал на дыбки и нагнул беленькие, довольно острые рожки.

— Глупый, не соображает ничего! — снисходительно сказал Лёша. — Большой уже, а глупый. Не трогай его, не надо. Он просто боится.

Лёша отыскивал в траве возле тропки перезревшую землянику и честно делил одну себе, одну дедушке, одну Тяпкину. Потом им навстречу попала собака.

Тяпкин сначала обрадовался, а потом испугался, как бы она не загрызла Лёшу, и закричал. Но Лёша спрятался в траву, собака пробежала мимо, по своим делам, а дедушка сказал:

— Умная собака никогда не тронет маленького, у меня уж были собаки, я знаю.

Тяпкин промолчал, потому что хотя он очень любил собак и просил, чтобы ему купили щенка, но во дворе одна собака чуть не загрызла совсем маленького котеночка.

— Она меня не унюхает никогда! — успокоил его Лёша. — Просто я же не пахну. Я ей — как шишка какая-нибудь. Что она дура, что ли, шишки есть?

Так, разговаривая о разных интересных вещах, они дошли до обрыва над речкой. Лёша раньше всех допрыгал до обрыва, остановился и, взявшись ладошками за голову, ахнул:

— О-ой, сколько воды!.. Ой, Любка, я этого никогда не видел!

— Это вот речка, — нравоучительно объяснил Тяпкин. — А то просто ручей. Понял ты теперь?

Собственно, и эту речку почти в любом месте можно было перейти вброд, но кое-где всё же было по шейку, и, спустившись вниз, дедушка разделся и стал плавать, потом вылез, взял Тяпкина за руку и разрешил ему войти в воду по грудки, поплескаться. После этого искупали Лёшу и легли на песочке загорать.

Дедушка загорал, а Тяпкин и Лёша строили домики и заборы из песка. Лёша сказал:

— Гляди, как я могу! — завертелся на одном месте и пропал в песке.

Тяпкин подождал минуту, подождал две, потом испугался и громко заревел:

— Дедуш, Лёшка в песок засыпался!

Дед вскочил, стал расспрашивать, в чем дело, а Лёша откуда-то, совсем с другого конца пляжа, закричал:

— Ты что? Вот он я! Я тебе просто показать хотел!

Так они поиграли ещё часок и пошли вместе с дедом домой.

После обеда, за которым они опять ели разные вкусные вещи, Тяпкин и Лёша легли спать в гамак и заснули сразу, потому что хорошо нагулялись и устали. Спали они довольно долго, потом попили молочка и вышли с дедушкой на тропку встречать со станции маму: Но мама не приехала. Стало уже прохладно, и пришлось возвратиться домой. Оделись потеплей, сходили за молоком, и дедушка разрешил отнести молочка для ежеиков. Когда Тяпкин и Лёша спустились к оврагу и вылили молоко в мисочку, из кустов неожиданно появились старички. Лёша очень обрадовался, а Тяпкин закричал:

— Ура! Старички пришли!

Лёша бросился всех целовать, потому что после выздоровления никого из своих старичков не видел.

— Как ты загорел, прямо сосновая шишка! — сказал, улыбнувшись, старенький дедушка и вытер слезы ладошкой. — Как я рад, Лёшенька!.. Я думал, уж и в живых тебя не увижу.

— Говорил же я, моя мама его вылечит! — сказал Тяпкин покровительственно и сел на пенек, положив ладошки на колени. — А вы мне ещё не верили, глупые дедушки!

Старички переглянулись, хотели, наверное, сказать, что это Тяпкин довел Лёшу до такой тяжелой болезни, потом снова переглянулись и сразу все засмеялись. Очень это у них прекрасно получилось в один голос:

— Хе-хе-хе-хе!..

— Вы чего? — обиделся Тяпкин. — Думаете, легко его было вылечить? Очень трудно. Мама целую ночь до утра не спала, всё время к нему вставала, давала пить молочка горячего.

— Передай ей спасибо, — сказал старенький дедушка. — Она добрая, хорошая женщина, я же говорил. Передай ей ото всех нас большое спасибо. Она дома?

— Уехала... — сказал Тяпкин, и вдруг ему сделалось очень грустно, одиноко и захотелось зареветь. — Обещала скоро приехать, а всё не едет... — Сдержался, не стал реветь, сказал басом: — Ешьте идите молоко, а то вон ежики прутся.

В траве и правда показывались и пропадали серые спинки ежеиков. Старички заспешили к миске. Лёша тоже побежал впереди них всех и занял место для старенького дедушки, чтобы тот мог поесть. Вряд ли Любин дедушка разрешит взять молочка ещё, просто подумает, что они баловались и разлили. Но оказалось, что старички сегодня не так жадничали, потом, в миске лежало много кусочков булки, они доставали их прямо руками и ели над миской. Видно было, что им очень вкусно: такие у всех старичков стали довольные лица.

Наелись, даже немного молока осталось ежеикам.

Тяпкин и Лёша ещё посидели на пенечке, поразговаривали со старичками, но дедушка на крыльце закричал:

— Люба! Лёша! Домой!

Пришлось попрощаться и идти домой.

Ещё немножко они посидели на крыльчке с дедушкой, поглядели, какое красное небо там, где село солнце. Дедушка сказал, что завтра будет ветер, раз небо такое красное. Тяпкин промолчал, но не поверил, потому что одно дело — небо, а другое — ветер. Небо — вон оно где, высоко, а ветер на земле.

Но спорить с дедушкой Тяпкин не стал, потому что заметил, что, когда со взрослыми не споришь, как-то всё лучше получается, без всяких неприятностей. Можно делать как хочешь, но спорить не надо.

Попили ещё молочка и стали ложиться спать.

— Деда, — попросил Тяпкин, когда они с Лёшей улеглись рядом на подушке, — а ты нам песню споешь?

— Спи, ладно, потом, — сказал дедушка, зажег керосиновую лампу, загородил её газетой, выключил верхний свет и сел читать книжку.

Стало совсем темно, и не ясно, что же случилось с мамой, почему она не едет. Тяпкин думал об этом, вертелся, вздыхал и не давал спать Лёше.

— Ты что не спишь, крутишься? — оторвался наконец дед от книжки. — И Лёше спать не даешь, он тоже глазами хлопает. Давно пора спать.

— Не могу я спать, — сказал Тяпкин. — Всё время про маму думаю.

— Никуда твоя мама не делась, нечего про неё думать. Завтра проснемся, позавтракаем и сразу пойдем её встречать, она придет. Спи.

Дед сел близко к кровати и стал петь колыбельную. Колыбельная эта была очень старая, и знал её дед давно, её пела его мама, когда он был маленьким, потом дед пел её мне, потому что я рано осталась без матери и, кроме него, петь колыбельную для меня было некому, после уже дед пел колыбельную моему ребенку. Голос у деда был плохой, слух тоже, но и мне и Тяпкину казалось, что поет он очень хорошо.

...Улетел орел домой;
Солнце скрылось за горой;
Ветер после трех ночей
Мчится к матери своей.

Ветра спрашивает мать:
«Где изволил пропадать?
Или звезды воевал?
Или волны ты гонял?»

«Не гонял я волн морских,
Звезд не трогал золотых;
Я дитя оберегал,
Колыбелечку качал...»

Пока дед пел, Тяпкин повернулся на бочок, подложил ручку под щечку и заснул. Очень он бывал милый и хороший во сне — нос уткнулся в подушку и расплущился, он почмокивал губами и немного сопел. Все маленькие, когда спят, очень хорошие — и щенки, и ежата, и поросята, и дети.

Дед вздохнул, поцеловал его тихонечко, сказал: «Спи, спи!» — и укрыл получше простыней. И тут увидел, что Лёша не спит, смотрит широко открытыми глазами.

— А ты, чучелко, что не спишь? — удивился дед. — днём выспался? Хотел я вас раньше разбудить, да жалко было.

— Нет... — прошептал Лёша. — Дедуш, а ты что пел?

— Песню.

— Мне понравилась... А ты ещё знаешь?

Тогда дед запел ещё песню, которая тоже сначала мне, а потом Тяпкину служила колыбельной, хотя совсем на колыбельную не походила.

Просто дед всю жизнь был очень занят: сначала воевал на германской войне, потом на гражданской, потом боролся за революцию, потом строил социализм — учить колыбельные ему было некогда.

Дед пел:

По синим волнам океана,
Лишь звезды блеснут в небесах,
Корабль одинокий несется,
Несется на всех парусах.

Лёша слушал, повернувшись на бочок и подложив ручку под щечку, — это я так учила его ложиться, чтобы скорее заснуть, — но глаза у него были внимательные и совсем не спящие.

...Есть остров на том океане —
Пустынный и мрачный гранит;
На острове том есть могила,
А в ней император зарыт.

Зарыт он без почестей бранных
Врагами в сыпучий песок
Лежит на нем камень тяжелый,
Чтоб встать он из гроба не мог.

Лёша не знал, кто такой «император» и что такое «почести бранные», как в свое время не знала я и не знал до сих пор Тяпкин, — он слышал сквозь сон эту песню и жалостливо дергал бровями.

«Усачи гренадеры» казались ему таинственными «усачигри надерами», но Лёша слушал, напряженно сощутив глаза, улыбался и вздыхал от горького наслаждения, которое дарила ему песня.

Непонятное, щемящее нежно сердце было где-то вроде бы не в самих словах, а за словами, прикасалось тихонько, как котенок лапкой, к нежному в душе. Лёша слушал и чувствовал, как ему всё сжимает и сжимает сердце, тогда он быстро сказал:

— Спасибо, дедушка, я уже захотел спать.

Повернулся лицом к стене, закрылся с головой простыней и тихо заплакал. Он плакал настоящими слезами первый раз в жизни, не понимал, что это с ним, и не мог остановиться. Было ему и больно и очень сладко. А дед допел шепотом последние строфы:

Но в цвете надежды и силы

Угас его царственный сын,

И долго, его поджидая,

Стоит император один —

Стоит он и тяжко вздыхает,

Пока озарится восток,

И капают горькие слезы

Из глаз на холодный песок...¹

Потом снова сел за стол и стал читать свою книгу. Лёша наконец заснул, но спал чутко, всё время помнил про песню и, открывая иногда глаза, видел, что дед всё ещё сидит за столом, пьет крепкий чай и читает. Лёша думал во сне, что Любка правильно говорила про своего дедушку: тот точно никогда не спит и всё время, хитренький, ночью читает книжки, потому что днём ему остается мало времени. Лёша завидовал и хотел тоже всегда и ночью читать книжки.

Утром Тяпкин и Лёша проснулись веселые, позавтракали всякими вкусными вещами и пошли на тропку к станции встречать маму. Ветер сильно шумел вверх деревьями, Тяпкин вспомнил, как вчера дедушка говорил про ветер, и удивился: значит, всё получилось правильно, такое бывает. И снова подумал: хорошо, что он не стал с дедушкой спорить, а то дедушка сегодня начал бы ему напоминать про это, а Лёшка бы дразнился.

¹ Смотри стихотворение М.Ю.Лермонтова «Воздушный корабль».

Я выехала из дому довольно рано: в девять часов мы с Верой Васильевной уже сошли с поезда на нашей станции и двинулись по тропке к дачам, часто останавливаясь и отдыхая, потому что у нас были тяжелые сумки. Вера Васильевна работала художником-оформителем в том издательстве, где у меня должна была выйти книжка, и меня специально вызвали, чтобы я с ней встретилась и поговорила, какую лучше сделать обложку и какие нарисовать картинки. Ни за час, ни за два этого не решишь, долго же в городе я оставаться из-за Тяпкина не могла. Поэтому я позвала художницу к нам на дачу. Муж Веры Васильевны был артист и уехал на летние гастроли со своим театром в другой город. Вера Васильевна скучала дома одна и обрадовалась, когда я позвала её на дачу, чтобы она там пожила и всё спокойно со мной обсудила.

Правда, я предупредила ее, что у меня есть Тяпкин с довольно плохим характером, которого я все-таки очень люблю, но Вера Васильевна сказала, что детей тоже любит, хотя своих у неё нет.

Про Лёшу я не говорила ничего — боялась, что Вера Васильевна испугается и мне не поверит. И вообще пойдут в издательстве разные разговоры. В крайнем случае, если что, можно на это время отправить Лёшу пожить к старичкам. Хотя мне этого делать не хотелось: во-первых, Лёша может обидеться, а во-вторых, я к нему привыкла и полюбила уже.

Надеялась, что всё как-нибудь обойдется. Дело в том, что многие люди Лёшу не замечали. Они смотрели на него и отводили глаза, то ли не видели, то ли думали, что это им кажется. Наши соседи по даче, научные работники, занимающиеся изучением русского языка, часто видели, что Тяпкин и Лёша играют на одеяле в саду, читают книжки, даже несколько раз подходили близко, разговаривали с Тяпкиным, но про Лёшу ничего не спрашивали. А недавно вечером приехал вернувшийся из командировки наш папа, привёз нам с Тяпкиным продукты, посмотрел на Лёшу, но тоже ничего не спросил, а когда Тяпкин закричал: «Папа, гляди, у нас Лёшка живет!..» — отвел глаза, быстро сказал: «Да-да, играйте, играйте». Я рассчитывала, что Вера Васильевна тоже Лёшу не заметит и мы будем жить, как жили. Но когда Тяпкин и Лёша бросились ко мне, обрадованные, что наконец-то я приехала и везу такие тяжеленные сумки с вкусными вещами, Вера Васильевна поздоровалась с дедушкой, после с Тяпкиным, а потом спросила восхищенно:

— О-ой, кто это? Какой он прекрасный!

— Это наш Лёша, — ответила я неуверенно. — Лёша, подойди, поздоровайся с тетей. Она художница, рисует картинки в книжках.

— А кто тогда пишет буквы? — сразу заинтересовался Лёша.

Раньше он думал, что книжки так и есть всегда, их никто не делает, но раз эта тетя нарисовала картинки, значит, и буквы кто-то написал.

— Разные люди... — Я пожала плечами. — Очень многие. Есть хорошие, есть не очень. Я расскажу тебе потом.

— Здравствуйте, — поздоровался Лёша, подпрыгнул и протянул свою деревяшечку: он уже знал, что надо здороваться за руку. — А вас как зовут?

— Тетя Вера... — Вера Васильевна немного растерялась: она не успела поймать Лёшину ладошку, а он больше не стал прыгать.

— Мне не нравится, — сказал сухо Лёша и отвернулся.

— Мне тоже не нравится! — поддержал его Тяпкин. — Как-то не очень красиво: Ве-е-ра!..

Дедушка возмутился и сразу заругался: он не терпел, когда дети вели себя невежливо. «Вежливость, воспитанность помогают человеку подавлять в себе злые и плохие инстинкты!» — говорил он мне.

Мы все замолчали растерянно, не зная, что дальше говорить. Лёша подошел поближе и спросил:

— Мама, а можно, я тетю Веру тоже буду звать «мама»? Мне такое имя нравится... Вот, например, Любку зовут ещё Тяпкин, тебя зовут «тетя» и «мама» — у всех есть два имя.

Я посмотрела в нерешительности на Веру Васильевну, но она сказала веселым шепотом:

— Можно-можно... Господи, конечно! — И повторила громко: — Можно. Мне самой нравится такое имя.

— Все тети бывают мамы, — сказал Тяпкин и, взяв меня за руку, повел домой. Ему очень хотелось посмотреть, что я привезла, и потом, он немножко соскучился. — Галина Ивановна — мама. У Таньки тетя Шура мама, у Андрюшки тетя Валя мама. Я вырасту, тоже буду мама, у меня родится двадцать ребёночков.

Когда я была маленькой, то, насколько помню, называла тоже эту цифру, но пока завела только одного. Поэтому я не стала убеждать Тяпкина, что двадцать ребёночков много и хлопотно.

Так мы дошли до нашей дачи, разобрали сумки, опять попили чаю со всякими очень вкусными вещами. После чая дедушка уехал в город, потому что, во-первых, устал от такого количества народу, а во-вторых, очень хотел посмотреть какое-нибудь новое кино. Ну, а мы стали продолжать нашу жизнь вчетвером.

Я помнила, как обрадовался Лёша, когда я сшила ему шапочку, и поэтому вчера, уходя из издательства, забежала по дороге в «Детский мир», купила пупса размером с Лёшу, сняла с него туфли, носки, штанишки, рубаху и сейчас отдала всё это Лёше.

Сказала, что купила в универмаге, где все люди покупают себе одежду. Лёша чуть не умер от радости, долго прыгал выше стола и кричал «ура». Тяпкин тоже прыгал так, что дрожал дом, и тоже кричал «ура». Потом Лёша мгновенно надел на себя всё и сделался очень смешным — не то кукла, не то человечек. Я спросила, не жарко ли ему во всем этом.

— Мне никогда не бывает жарко! — сердито ответил Лёша и ушел на крыльцо. Наверное, он подумал, что я пожалела и собираюсь одежду у него отнять. Очень ему хотелось походить на человека.

Вера Васильевна легла отдохнуть с дороги, Тяпкин доставал из сумки новые книжки, а я вышла на крылечко и села рядом с Лёшей.

— Ну? — спросила я. — Ты что надулся? — и почесала его пальцем по спине. — Я же специально пошла в магазин и купила тебе это, я знала, что ты хочешь. Носи, пожалуйста. Хотя я считаю, что без одежды тебе тоже хорошо. Лёша посмотрел на меня, улыбнулся, но глаза у него были грустные. Мы помолчали.

— Понимаешь... — сказала я потом. — Ты очень славное, умненькое существо. Доброе. Я бы хотела, чтобы у Тяпкина был характер такой, как у тебя. И не надо тебе стараться ни на кого походить, на мальчика, например. Будь такой, как ты есть, — это самое трудное всегда. Ты меня понял?.. Не надо себя стесняться, если даже ты не похож на других.

Мы снова помолчали, потом Лёша поднял на меня глаза, поежился смущенно и улыбнулся. На этот раз веселей.

— Иди к Любашке, — сказала я ему. — Там я много новых книжек привезла. Ты ещё не разлюбил книжки?

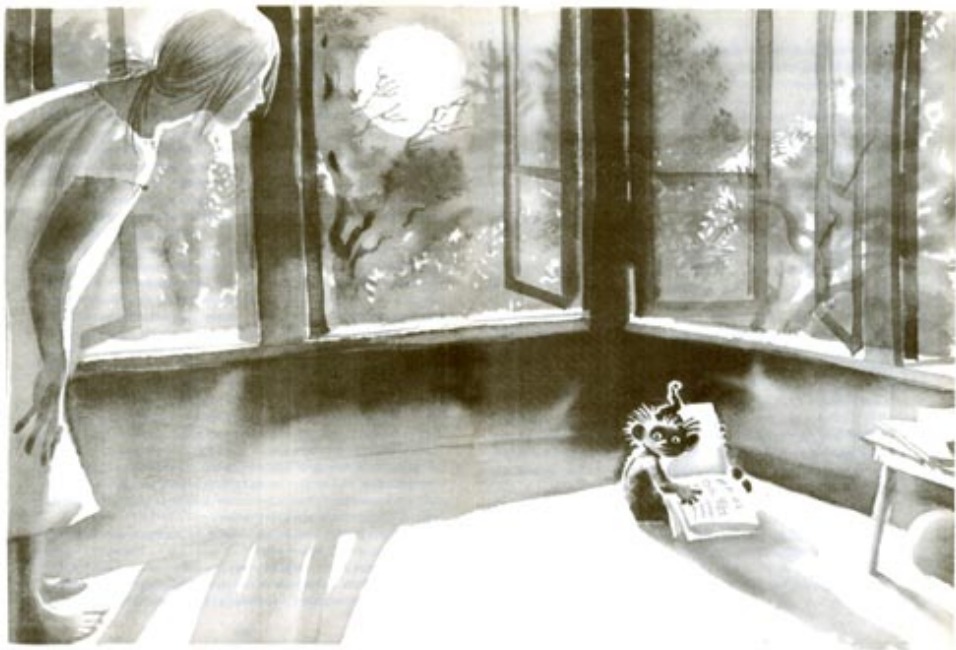
— Ура! — заорал Лёша и запрыгал в комнату. — Не разлюбил! Я их никогда не разлюблю! Книжки! Любка, будем читать книжки!

Конечно, он был ещё совсем ребенок.

Тяпкин в сопровождении Лёши выволок книжки на лужайку перед террасой, и они долго их рассматривали. Потом Тяпкину надоело, он стал бегать и кидаться шишками и палками просто так, ни в кого, хотя иногда нечаянно попадал в

Лёшу, И кричал сам с собой. А Лёша сидел, читал книжку, и оторвать его было совершенно невозможно, он даже не замечал, когда на книжку падала шишка или палка. Просто стряхивал их, и все.

Этой ночью я почему-то долго не могла заснуть, лежала и думала про всякие вещи, может быть, потому, что в стекла терраски сильно светила луна. Вдруг я услышала какой-то шорох и насторожилась. Не то чтобы я боялась мышей — я их могу брать руками, если, конечно, удастся поймать, — но просто когда лежишь долго в темноте и не спишь, то вздрагиваешь от любого шороха.

Затопали маленькие ножки, я поняла, что это Лёша, и приподнялась на локте, посмотреть, что с ним. Лёша пошел в угол, где лежали все игрушки, выволок из стопки какую-то книжку, сел прямо в лунной дорожке на полу и принялся читать. Я тихонько встала.

— Лёша! — шепотом сказала я, и он вздрогнул. — Ночью нельзя читать, потому что глаза испортишь. Плохо видно, можно ослепнуть.

Лёша обернулся и посмотрел на меня серьезно и с неприязнью.

— Я же вижу ночью, — ответил он. — Вы же знаете. Я ночью вижу так же хорошо, как днем.

— Правда, я про это позабыла, — поправилась я. — Но ведь ты живешь с нами и спишь ночью, а не днем, как с дедушками. Ты ещё маленький, растешь, всякое существо должно отдыхать, если оно хочет вырасти сильным и здоровым. Надо спать ночью, малыш.

— А дедушка? — спросил Лёша. — Дедушка ночью всегда книжки читает. Я тоже хочу.

— Дедушка старенький, ему расти уже не надо. А ты, если вырастешь здоровым и сильным, будешь долго жить — сто лет, даже дольше, как твои старички. Прочтешь все самые интересные и хорошие книжки, успеешь ещё... — Я улыбнулась, вздохнула и добавила: — Не надо так сердито на меня

смотреть. Ты мой милый и хороший малыш, я тебя очень люблю и хочу, чтобы тебе было хорошо...

Я погладила его по жёлтой челке, а он вдруг засмеялся и потерся головой о мою руку. И лег спать. Всякому маленькому надо обязательно, чтобы его кто-то любил. Это, как солнышко, без которого травка вырастает белой и чахлой.

Больше ночью Лёша книжки не читал, но днём оторвать его от них было совсем невозможно. Он даже есть стал меньше и не с таким аппетитом. И потом, из-за этих книжек он начал как-то странно разговаривать.

— Пойдем в лес, — просил меня Тяпкин.

— Лес? Дремучий... Дремучий лес, — откликался, не поднимая головы от книжки, Лёша. — В дремучем лесу живут дикие звери.

Если кто-то произносил слово «корова», Лёша тут же говорил: «А стадо? Стадо коров». Если я рассказывала Вере Васильевне, что за рекой есть поле, где можно набрать луговых опят, Лёша и тут реагировал:

— Поле? Чистое... Чистое поле, солнце ясное, небо высокое, береза белая, дорога дальняя...

Я забеспокоилась, что это у него останется на всю жизнь, что он всегда теперь будет разговаривать готовыми книжными фразами. Как отучить его от этого, я не знала. Впрочем, к счастью, скоро всё прошло само собой и больше не возвращалось.

Как-то, глядя с нежностью на Лёшу, стоявшего на четвереньках над книжкой, страницы которой были в два раза больше него, Вера Васильевна спросила:

— А что будет с Лёшей, когда вы переедете с дачи в город?

Я вздохнула и пожала плечами, потому что старалась не думать об этом грустном времени. Взять Лёшу с собой я не могла никак. Такая у меня работа, что я должна часто и надолго ездить в командировки, а потом писать книги.

Без этого для меня нет жизни. Тяпкина я устроила в детский сад. А куда девать Лёшу?

— Вы же понимаете, — сказала Вера Васильевна, — к какой жизни он привык у вас! Отправлять его назад к дедушкам просто жестоко. Хотя, конечно, они и милые старички, но...

Я сама так думала, но что можно сделать?

— Мне пришлось разговаривать со стареньким дедушкой, — ответила я, опять вздохнув. — Он мне рассказывал, что, когда был маленьким — лет сто назад или больше, — тоже подружился с девочкой. Она ходила в кружевных платьицах, кружевных штанишках, носила длинные волосы в локончиках...

— Какая прелесть! — засмеялась Вера Васильевна. — И что же дальше?

— Родители девочки про него ничего не знали, иначе ей запретили бы с ним играть. Тогда ведь были всякие суеверия, страхи... Скоро девочка уехала, он остался. Скучал без нее. Иногда пробирался в их пустой дом и читал книги: она научила его читать. Единственный из всех старичков, он довольно образован. Всё это пошло ему на пользу, в общем...

— Ведь он не жил в семье, не менял образа жизни! — Вера Васильевна потрясла головой, не соглашаясь со мною.

Скоро она уехала в город делать свою работу, мы же опять стали жить одни.

11

Как-то мы отправились с утра в лес: появились первые грибы. Я очень хотела угостить Лёшу и старичков грибным супом и жареными грибами с картошкой, наверняка это должно было им понравиться. К тому же я сама очень любила собирать и есть грибы.

— Разве люди едят грибы? — удивился Лёша, когда я, оторвав его от книг, объявила ему, куда и зачем мы идем. — Их только белки едят. Очень нужно их собирать!

Не хотелось ему оставлять свои книги. Я не против чтения, но двигаться маленькому, чтобы он правильно рос, надо обязательно.

Войдя в лес, я почти сразу нашла подосиновик и показала Тяпкину и Лёше, как он хорошо стоит на полянке в сырой траве, высокий, крепенький, с круглой красной шапочкой, — ребята бросились к нему и рядом нашли ещё два, поменьше.

Тут начался ажиотаж! Ребята носились по лесу, обгоняя, оттирая друг друга, лазили под все кусты и елки, кричали наперебой:

— Это я первый увидел! Это мой гриб!

Грибов было много, часа через полтора мы набрали полную корзину и отправились домой. Шли мы медленно, потому что ребята то и дело убегали с дорожки в лес, когда им казалось, что они видят гриб.

— Ой-ой, мамочка! — закричал вдруг Тяпкин. — Погляди, тут кто!

— Обыкновенный бельчонок! — сказал моментально подсказавший Лёша. — Нечего и глядеть. Маленький совсем, тощий, точно крысенок.

Я подошла. На стволе березы, как раз на уровне носа Тяпкина, встопорчив тощий хвостик, сидел бельчонок. Он и правда был ещё совсем маленький, слабый и даже не мог взобраться выше по стволу.

Чуть в стороне я заметила на траве клочки рыжей шерсти и кровь: видно, кто-то — хищная птица или кошка — разорил гнездо, а малыш спасся.

— Возьмем его?... — попросил Тяпкин без надежды в голосе.

Мы несколько раз за лето находили гнезда с птенчиками, но трогать их я не разрешала. Для птицы это верная гибель: слишком много нужно давать птенцу каждый день мух и червячков, чтобы можно было его выкормить. Трудно даже представить, сколько ему нужно еды! И потом, свободное должно жить на свободе.

Но если не взять эту рыжую кроху, он наверняка пропадет: некому теперь его кормить, а для того, чтобы жить самостоятельно, он ещё мал.

Я сняла бельчонка со ствола, он заверещал и попытался меня укусить, но я сунула его в карман куртки и застегнула «молнию». Он пошебаршился там и затих. Лёша стоял, заложив за спину руки, и смотрел на мои действия недовольно и осуждающе. Может быть, ему просто не нравились бельчата, а может, он боялся, что мы будем его меньше любить. Тяпкин же всю дорогу прыгал и шепотом, чтобы не разбудить бельчонка, кричал «ура». Ведь до сих пор белок он видел только издали на деревьях. Назвать найденку мы решили Рыжиком.

Когда пришли домой, я попыталась накормить Рыжика: налила ему в блюдечко молока и ткнула носом. Но он чихнул, заверещал и стал выдираться из моих рук, а отпускать его было нельзя: забьется куда-нибудь в угол так, что не найдешь, и с голоду умрет. К тому же он ещё мал очень и неprovoren — наступить можно незаметно или дверь прищемить.

Случайно я заметила, что если Рыжика держишь, то он

выдирается, а если его просто посадить на ладонь, то в горсти он сидит смиренно, даже ложится, свернувшись клубочком, и пытается уснуть. Тогда я намочила в молоке хлеб, положила в горсть перед носом Рыжика и мазнула молоком по его мордочке. Он облизнулся, заволновался и, когда я подвинула мокрый хлеб к самому его носу, уперся в него лапками и стал сосать. Прижав уши, зажмурил глаза, чмокал и толкал лапками мои пальцы, как котенок кошкин живот. Скоро он наелся, я сунула его в карман халата, он свернулся там клубком и заснул.

Глядя, как бельчонок ест, Тяпкин просто стонал от удовольствия, Лёша тоже улыбался, и глаза у него были добрыми. Когда малыш уснул, я объяснила Лёше, что сам он уже, в общем, большой и член нашей семьи, такой же, как Тяпкин, бельчонок же ещё маленький, беспомощный, надо его подкормить, чтобы немного подрос, а после уже выпустить в лес.

Первое время бельчонок днём так и сидел у меня в кармане. Высовывал мордочку с прижатыми ушками и смотрел, что делается на свете. Но едва Тяпкин или Лёша подлетали ко мне, чтобы сказать Рыжему разные нежные слова и поглядеть на него, он моментально прятался в карман и считал себя там в безопасности. Его не смущало, что я хожу, что-то делаю, и «гнездо» его при этом трясется — он чувствовал рядом живое тепло и думал, что мир вокруг так же надежен, как и прежде, когда он спал под животом у мамы.

Скоро Рыжик научился есть из блюдечка. Сначала, чавкая, выпивал молоко, потом доставал лапками кусок булки и ел, сидя на хвосте. Спал днём он пока всё ещё в кармане, но, проснувшись, забирался ко мне на плечо или на голову и сидел там, распушив хвост и поставив уши, не обращая внимания на то, что я занимаюсь хозяйственными делами. Мне это казалось не очень удобным: руки, ноги и даже лицо у меня были поцарапаны — малыш не выбирал дороги, перелезая из кармана ко мне на голову и обратно в карман.

Через неделю мы пошли за грибами и взяли с собой бельчонка. За калиткой Рыжик присмирел, свернулся в кармане куртки, и я слышала, как у него бьется сердечко. Дойдя до опушки, где мы когда-то нашли его, я посадила бельчонка на траву под березой, и мы все отошли в сторону, поглядеть, что будет.

Рыжик сначала сидел, прижавшись к земле и плотно положив хвост на спину, потом наконец расслабился, приподнялся, прыгнул раз, прыгнул два, прыгнул три — добрался по моим ногам до куртки и шмыгнул в карман. Что прикажете делать, не силком же оставлять в лесу!..

Мы пособирали грибы и пошли домой опять вчетвером. Тяпкин был доволен, а Лёша шел очень грустный, почти не забегал вперед, не кричал радостно, не свистел, как он делал это обычно. Видно, надеялся, что Рыжик останется в лесу и не будет его больше донимать. Попробовав однажды расшелушить шишку, Рыжик решил, что Лёша тоже нечто вроде шишки. Я несколько раз больно отодрала бельчонка за уши, когда, подкравшись к читающему Лёше, Рыжик хватал его и начинал теревить. Ростом бельчонок стал почти что с

Лёшу, и тому было трудно защищаться. После выволочки Рыжик сделался осторожней, однако Лёшу в покое не оставил. Заметив, что бельчонок подбирается к Лёше, я кричала строго: «Рыжий, ты что делаешь!» Он тут же прижимал уши и шмыгал под кровать. Имя свое он знал и в интонациях голоса разбирался прекрасно. Теперь не приходилось его тащить силком, чтобы накормить. Стоило поставить блюдце с молоком в угол комнаты, где мы его обычно кормили, и позвать — он был тут как тут.

12

Рыжику у нас жилось неплохо, однако у Лёши жизнь стала сложная и трудная. Я теперь поняла, почему он не очень обрадовался, когда мы взяли к себе Рыжика. Видно, лесовички вообще враждуют с белками: белки для них всё равно что тигры для жителей джунглей. И хотя сам по себе тигр очень красивый, милый и хороший, но попробуйте встретиться с ним в джунглях! Да и жить с ним в одной комнате тоже, наверное, не очень спокойно.

Что было делать?.. Я пообещала Лёше, что через пять дней мы Рыжего непременно отпустим в лес, захочет он этого или нет, и мы стали жить дальше.

Опять установилась сухая, довольно теплая погода, Тяпкин и Лёша, надев пальтишки и ботинки, ходили играть на лужайку перед домом, а я пыталась работать, хотя Рыжик и мешал мне.

— Любка! — сказал Лёша в один из таких дней, когда я сидела и работала, а они гуляли в саду. — Пошли к моим дедушкам? Я почему-то по ним очень соскучился.

Теперь стало рано темнеть, к тому же ручей от дождя разлился, и мисочку ставили в овраге за участком, чтобы старичкам не перебираться каждый вечер через ручей. Ребятишек я с собой не брала, когда относила молоко, и старички с Лёшей на самом деле давно уже не виделись.

— Ну и иди! — сказал Тяпкин. Последнее время они не очень с Лёшей дружили. Лёша читал свои паршивые книжки всё время, и Тяпкину опять было не с кем разговаривать. — Как я в пальто в вашу дырку полезу? Я там застряну просто. Ты, что ли, с ума сошел, Лёшка?

— Ну и ладно! — Лёша засунул руки в карманы штанишек и засвистел. Он видел недавно мальчика, который шел, засунув руки в карманы штанишек, и свистел — это Лёше очень понравилось. — Пойду без тебя. Уйду от вас совсем! Книжки ваши я все прочел сто раз. Рыжий этот пристаёт всё время... Уйду к дедушкам.

— Ну и уходи... — сказал не очень уверенно Тяпкин, и ему захотелось зареветь: все-таки он полюбил Лёшу. — Уходи, пожалуйста, ты никому не нужен! А зато в Москве у нас знаешь сколько книжек есть! Сто! На всей стенке стоят на полке книжки. А мы тебе не дадим их читать.

Лёша помолчал, постоял, отвернувшись и всё ещё держа руки в карманах, потом произнес:

— А в Москву вы меня всё равно не возьмете. Меня девать некуда. Я слышал, как наша мама с той мамой разговаривала, которая Вера. Когда она приезжала позавчера.

И, не поворачиваясь, пошел вниз по дорожке в овраг.

— Возьмем... — тихонько сказал ему вслед Тяпкин. — Ты что, глупый? Возьмем...

Но Лёша шел не оборачиваясь, маленький и прямой, и не вынимал рук из карманов штанишек, хотя у него по лицу текли слезы, капали на рубаху и совсем промочили ее. Когда он скрылся из виду, Тяпкин громко заревел и побежал домой, спросить, возьмем ли мы Лёшу в Москву. Раньше он об этом просто не думал, ему казалось, что теперь Лёша всегда будет жить с нами.

Но я не стала его утешать, сказала, что Лёшу и правда девать некуда: в ясли или в детский сад его не примут, а дома один он жить не может, потому что ещё мал. Сказала, что Тяпкин прекрасно понимает: мне надо работать, ездить в командировки, писать книжки. Может, на будущее лето, если всё будет хорошо, мы снова приедем сюда и возьмем Лёшу к себе. Тяпкин плакать перестал, но сидел на крыльце очень грустный и до самого вечера ждал Лёшу.

Лёша не пришел ни в этот вечер, ни на следующий день, ни ещё через два дня. Тяпкин очень грустил, никуда не хотел идти гулять, потому что сидел на крыльце и ждал, что, может, Лёша все-таки придет. Рыжика он теперь не любил совсем и говорил, что это из-за него ушел Лёша.

Пока не поздно, бельчонка, конечно, надо было выпускать. Нести его снова в лес мне не хотелось, я решила выпустить его здесь. На участке дачи росло много деревьев, потом рядом был овраг, заросший лесом, там жили несколько беличьих семей. Рыжему, может быть, здесь понравится больше, а главное, мы сможем его первое время подкармливать.

Так и сделали. Я открыла дверь терраски, мы сели на крыльце, и Рыжик, выбежав следом, сначала покрутился возле нас, потом прыгнул на перила, с перил на сосну, росшую возле крыльца, и быстро шмыгнул по стволу вверх. Засновал между ветвями, удивляясь простору, потом спустился немного по стволу, посмотрел на нас и поквакал. Наверное, попрощался, а может, поругал нас, что мы не отпустили его в такое хорошее место раньше. Потом он прыгнул с сосны на березу, с березы на сосну, потом на елку— и его не стало видно.

Мы посидели, подождали, но он так и не вернулся. В обед мы поставили на крыльцо мисочку с молоком и хлебом, рядом положили нарезанное яблоко и всё время выглядывали за дверь, не пришел ли Рыжик. Грустно все-таки расставаться с друзьями, даже если они причиняют тебе некоторые

неудобства. Поесть Рыжий потом приходил, но к себе уже не подпускал, одичал сразу.

На другой день после обеда приехала Вера Васильевна, привезла окончательные варианты рисунков для книжки, а с вечерним поездом вдруг появился наш папа. Тяпкин обрадовался, что опять много народу и можно разговаривать, а папа сказал, поглядев в угол, где лежали игрушки:

— Ну вот, я действительно был болен какой-то тропической болезнью, она передается через комаров. Но выздоровел. Пришлось принять сорок уколов кокосителлина, новое средство. Внутривенно.

— Бедный! — прошептала мне Вера Васильевна. — Почему вы не объяснили ему, что Лёша существует на самом деле?

— Бесполезно, — ответила я. — Я уж знаю. Он хороший человек, но не верит ни во что такое, понимаете?.. Ни во что, о чем он привык думать, что этого нет. Если бы я ему рассказала, кто такой Лёша и что он есть на самом деле, наш папа решил бы, что я от него заразилась тропической болезнью. И мне пришлось бы тоже принять сорок уколов кокосителлина внутривенно. Я этого, знаете, не люблю.

Папа сказал, что машину для переезда в город он заказал на понедельник, придет за нами утром и чтобы к этому времени мы были уже готовы. После он уехал обратно в Москву, а Вера Васильевна осталась.

Тяпкин спал, мы сидели за столом и обсуждали рисунки.

— Как жаль, что Лёша ушел, — вздохнула вдруг Вера Васильевна. — Ведь я, собственно, за ним приехала...

— За ним? — Я удивилась. — Почему же вы раньше ничего не говорили? Ведь мы столько раз обсуждали эту тему!

Вера Васильевна усмехнулась.

— Ну, вы меня поймете... — сказала она. — Муж был на гастролях, писать ему об этом я не хотела: он мог тоже подумать, что я сошла с ума. Мужчины, они, знаете... Вчера он вернулся, я ему сказала, и, представьте, он всё принял как надо. Я даже удивилась. Сегодня я заторопилась к вам, а Лёши уже нет. Нелепо как все... Я так мечтала, что он будет жить у меня, читать книжки. Такой умный и милый...

Я подумала, что вообще-то завтра можно будет послать Тяпкина, чтобы он сходил за Лёшей, но Вере Васильевне об этом говорить не стала: может, Лёша не захочет идти к ней жить и она снова огорчится.

На следующее утро после завтрака я пошептала Тяпкину по секрету, зачем приехала Вера Васильевна. Тяпкин очень обрадовался, тихонько завизжал и шепотом закричал «ура», потом он захотел сейчас же бежать за Лёшей. Мы сказали Вере Васильевне, что хотим сходить к знакомым попрощаться, а то они уезжают. А сами пошли в овраг. Осторожно перепрыгнули через ручей,

потом отыскивали вход, где жили старички. Тяпкин снял пальтишко и полез в дырку в лыжном костюме. Я наказала возвращаться сейчас же и осталась его ждать. Но я ждала, ждала, а он всё не шел и не шел. Я уже стала очень волноваться: что-нибудь, наверное, случилось, — хотела бежать за лопатой, сделать дырку пошире и залезть туда сама. Но тут он появился вместе с Лёшей не из дырки, а совсем с другой стороны, откуда я их не ждала: сверху, с горы. Я стала их ругать и спрашивать, в чем дело, но они оба как-то странно отводили глаза и бормотали какие-то глупости. Тогда я рассердилась, взяла Тяпкина за руку и сказала, что больше никуда одного его не пушу, раз он пытается мне врать. И мы пошли домой.

13

А случилось вот что. Когда Тяпкин, очень толстый в своем лыжном костюме, все-таки долез до комнаты дедушек, то увидел, что все дедушки спят на своих кроватках, а Лёша сидит за столом, чистит желуди и трет их на маленькой терке, сделанной из ракушки.

— Лёшка!.. — заговорил было сердитым басом Тяпкин, которому опять в глаз попал песок, но Лёша радостно всплеснул руками и, приложив палец к губам, прошептал:

— Тихо, а то дедушек разбудишь! Пошли, ой, я тебе сейчас такую одну вещь покажу! Хорошо, что ты сейчас пришла, я уже кончил готовить, идти должен.

Он аккуратно закрыл тертые желуди перламутровой ракушкой, потом отодвинул стол от стены, откинул ковер из мха, и за ним вдруг оказался ход — такая же дырка, как та, по которой влез Тяпкин. Лёша сказал Тяпкину, чтобы он лез за ним следом, и пошел в дырку. Ход был длинный, темный и узкий, Тяпкину лезть было очень плохо и трудно, он пыхтел и ругал Лёшу, зачем он потащил его сюда, но вдруг ход стал шире, запахло чем-то теплым и кислым, они куда-то вылезли.

Тяпкин поднялся с четверенек и огляделся по сторонам. Они оказались внутри деревянного домика с земляным полом, в дощатой стене было крохотное окошко с очень грязным стеклом, но все-таки свет в него шел, и Тяпкин увидел, что в углу на подстилке из свежего сена лежит коза с большими рогами, а рядом с ней крошечный козленочек. Козленок спит, а коза тихонько мемекает и облизывает его языком.

— Я её боюсь! — сказал Тяпкин. — Она небось бодается! Ты зачем меня сюда привел, Лёшка?

— Не бойся, постой здесь... — проговорил Лёша каким-то добреньким дрожащим голосом, подбежал к козе и обнял её руками за морду.

Коза вздрогнула, торопливо поднялась на ноги и стала обнюхивать и лизать Лёшу кончиком языка, глаза у неё горели в темноте жёлтым огнем, а Лёша всё хватал её руками за теплые губы и за нос и смеялся. Потом коза снова легла, Лёша полез к ней под живот, попил из вымени молочка и спросил Тяпкина:

— Хочешь молочка? Не бойся, она даст! Мамино молочко самое вкусное.

— Что ли, это твоя мама? — удивился Тяпкин. — Козы не бывают мамы.

— Как раз бывают! — сказал Лёша и замолчал.

Он залез козе на спину, подошел к её уху и начал что-то шептать. Коза подергала ухом, мемекнула, подождала, пока Лёша слезет, потом, ткнувшись мордой в козленка, отодвинула его в сторону, и Тяпкин увидел, что в сене лежит ещё один лесовичок. Совсем маленький, размером в половину Лёши, спит, подложив под щеку одну ладошку и прижав коленки к животу. Лёша наклонился над ним, долго рассматривал, улыбаясь, потом тихонько погладил по голове, и лесовичок проснулся. Сел, опираясь на растопыренные ручки, и тоже улыбнулся Лёше.

— Гхы-ы... — сказал он. — Гхы-ы...

— Не умеет ещё разговаривать, — объяснил Лёша Тяпкину. — Совсем малыш ещё.

Он бережно приподнял маленького лесовичка, поставил на ножки и, взяв за руку, повел к подземному ходу.

— Ты подожди меня здесь, — сказал Лёша Тяпкину. — Я очень быстро приду.

Он на самом деле вернулся быстро, так что Тяпкин даже не успел ещё соскучиться и испугаться. Тяпкин посидел немного на полене в углу домика, подождал, поглядел, как коза облизывает козленочка, а глаза в темноте у неё светятся жёлтым, и Лёша как раз вернулся. Один, без маленького.

— Пошли, здесь выйдем, — сказал он и потолкал дверь домика. — Давай ты толкай тоже, а то мне не открыть никак.

Тяпкин толкнул дверь двумя руками и ногой, снаружи упала какая-то палка, и они вышли на свет. Тяпкин узнал улицу, где они стояли, поселок на горке, они с мамой иногда приходили сюда гулять.

— Я тебя в проход через гору не повел, а то бы дедушки заругались. Никому этого нельзя показывать, — объяснил Лёша. — Ты тоже, Любка, не говори смотри никому. Даже маме.

— Не скажу, — пообещал Тяпкин. — А за тобой, Лёшка, мама Вера приехала. Она тебя забрать в Москву хочет. Ей её муж разрешил.

— Правда? — Лёша остановился. Постоял немного и пошел дальше. Наверное он надеялся все-таки, что будет жить с нами, он ведь к нам очень привык. Но он ничего не сказал. Улыбнулся, вздохнул и пошел дальше.

— Ты не думай, я же к тебе буду всё время ходить в гости! — сказал Тяпкин, который догадался, почему Лёша вздохнул. — Мы близко живем. Ты будешь ходить ко мне, а я к тебе. Ладно? А про козу эту я никому не скажу. Что она твоя мама. И про мальчика тоже. Он теперь будет с дедушками жить?

Лёша кивнул и приложил палец к губам. Они вышли из-за поворота тропинки, увидели, что я их жду, сержусь и огорчаюсь.

— Мама! — крикнул Тяпкин. — Вот он, Лёшка! Он поедет! А он будет к нам в гости ходить?

Когда мы пришли домой, Вера Васильевна бросилась к Лёше и сказала: «Ах!» А Лёша заложил руки за спину и спросил:

— А книжки у тебя дома в Москве есть?

Конечно, у Веры Васильевны было много книжек, а потом она умела хорошо рисовать и обещала научить Лёшу.

В воскресенье мы решили устроить прощальный ужин для старичков. Вера Васильевна догадалась привезти много всяких вкусных вещей: пастилы и зефиру и ещё маленькую бутылку виноградного сока и семь наперсточков, чтобы было куда старичкам налить сок.

Мы накрыли праздничный стол, постелили поверх скатерти салфетку, чтобы посадить туда старичков и Лёшу, поставили всякую посуду и ровно в шесть часов, как было назначено, услышали на лестнице топот маленьких башмачков.

Мы распахнули торжественно дверь, а старички входили по одному и кланялись, снимая свои колпачки. Мы все тоже кланялись и говорили:

— Здравствуйте, добро пожаловать, мы вам очень рады.

Только у старенького дедушки не было колпачка: он его где-то положил и забыл где. Он был очень старенький и уже не помнил, где он кладет свои вещи, зато он помнил, как надо здороваться по-французски, по-латыни и по-гречески: та девочка, его научила. Он так и поздоровался. Тяпкин ничего не понял, а мы с Верой Васильевной переглянулись, и я сказала:

— Бон суар.

А она сказала:

— Гутен таг.

Больше мы тогда на иностранных языках никаких приветственных слов не знали.

Мы помогли старичкам занять свои места, налили всем соку, начали есть и болтать, стало очень весело. Старичкам сок понравился, они выпили по десять наперстков, развеселились и разругянились.

Вера Васильевна завела патефон: она специально его привезла, чтобы была музыка, потому что какой же праздник без музыки. И дед Сосун вместе с дедом Хи-хи тогда сплясали веселую пляску, и Лёша тоже стал с ними плясать и громко смеялся. Они топали башмаками, высоко задирали ноги и подпрыгивали. Тяпкин посмотрел на них, слез на пол, стал топать, прыгать, задирать ноги и громко хохотать. Вера Васильевна тоже встала и сплясала «барыню», под конец она даже пошла вприсядку и помахивала рукой. Было очень весело, только я сидела и боялась, что дом обвалится и нам негде будет ночевать.

Потом все запыхались, устали, сели за стол и стали дальше есть зефир и арахис в сахаре, кто хотел — пил чай, а кто — молочко или сок. И тогда вдруг один старичок в синем колпаке, с жёлтой бородой и с очень грустным выражением лица, встал и сказал:

— Я хочу спеть песню. Я её сам сочинил! Вот.

Мы все удивились и закричали, что, конечно, пусть споет, а старички тоже удивились, переглянулись, пожали плечами— было заметно, что им очень стыдно за этого синего старичка. Но синий старичок не обратил внимания, вышел на середину стола, заложил руки за спину и запел тонким, шершавым голоском:

Тишина, тишина,
Тихо катится луна,
Тишина, тихий сон,
Слез с луны на землю он.
Мы выходим погулять.
Раз-два-три-четыре-пять.
Двое дома остаются,
Моют чашки, ложки, блюдца.
Топ, топ по иголкам,
Спят в овраге где-то волки.
Мы не спим,
Ежи не спят,
Стерегут своих ежат.
Тишина, тишина,
В небе катится луна,
Тишина, тихий сон,
Тихо слез на землю он.

Синий старичок поклонился и сел на свое место, сложив ладошки на животе. Мы все захопали: нам понравилось, что синий скучный старичок сочинил песню. Старички молчали и недовольно переглядывались, а Лёша вдруг закричал:

— Я тоже буду так делать! Сочинять песни. Я очень хочу.

— И я буду! — закричал Тяпкин, потому что он любил обезьянничать.

— Ну вот, видите, Синюшкин, к чему это приводит! — сердито сказал старенький дедушка. — Какой вы подаете детям пример!

— Неприлично... — в один голос сказали дед Хи-хи и дед Сосун. — Неприлично старичку так долго говорить глупые вещи.

Старенький дедушка встал.

— Детям пора спать, — сказал он жёстким голосом. — А нам пора домой. И я велю Лёше всё выбросить из головы. Запомни: ты никогда не должен говорить так много и так неумно. Это стыдно.

Все помолчали, синий старичок гордо пожал плечами и отвернулся. Тогда я тоже встала.

— Правда, пора спать. Сегодня был очень весёлый, хороший вечер, а когда весёлый вечер, можно много говорить и делать весёлые глупости. Но теперь пора спать.

— Ну-у-у! — завyli, как волки, Тяпкин и Лёша. — Мы не хотим!

— Завтра у нас дальняя дорога, — напомнила я им сердитым голосом, и они сразу замолчали. — Надо выспаться. Давайте теперь прощаться.

Старички все встали, построились в затылок друг другу, старенький дедушка прокашлялся и сказал:

— Уважаемые люди! Сейчас мы уйдём и, может быть, никогда больше не увидимся. Я очень старый, я живу давно-давно. Теперь наконец пришла замена, моя очередь умереть. Только я очень рад, что в конце своей жизни мне опять довелось поговорить с людьми. Это было, в общем, интересно.

— И вкусно! — добавили хором остальные старички.

— Да, — согласился старенький дедушка. — Мы тут между собой решили, что Лёше у вас плохо не будет. Раз ему захотелось пожить среди людей, посмотрим, к чему это приведет. На моей памяти таких случаев не было, тем не менее известно: все, что было на свете, когда-нибудь происходило в первый раз. — Старенький дедушка вздохнул, помолчал и стал говорить дальше: — Ну, Лёшенька, если же ты найдешь время приходить иногда к нам в гости, то тебе будут очень рады. И не забывай, кто ты. — Старенький дедушка сделал очень гордое лицо, когда произнес эти слова. — Так вот, люди! У нас, хотя мы и очень старые, все-таки ещё есть волшебная сила. Мы хотим подарить девочке Любе, с которой подружился наш Лёша, исполнение

одного желания в будущем. Исполнится оно через семнадцать лет. Люба, подумай и скажи, чего тебе хочется.

— Я хочу, чтобы у меня было двадцать ребёночков! — тут же крикнул мой глупый Тяпкин и захлопал в ладоши. — Я очень люблю, когда много ребёночков, можно разговаривать.

— Да будет так! — закричали хором старички и стукнули разом башмаками по столу. — Пусть все они будут здоровые, красивые, счастливые. И их мама тоже! И пусть она будет настоящей мамой...

— Погодите! — попыталась остановить их я. — Вы что, старички? Разве можно принимать во внимание слова неразумного ребенка! Она же не представляет, что это такое — двадцать детей!

— Волшебство обратной силы не имеет... — огорченно проговорил старенький дедушка. — Послушайте, ведь раньше люди имели помногу детей, и ничего...

— Не огорчайтесь, мама, — сказала мне, вздохнув, Вера Васильевна. — Дети — это самое прекрасное, что есть на земле. А прекрасного должно быть много.

Что было делать? Пришлось согласиться с этим.

В заключение я должна сказать, что с тех пор, когда всё происходило, ещё не прошло семнадцати лет, хотя Тяпкин стал совсем взрослый, и его теперь зовут только Любой. Я очень надеюсь, что старички забыли про свой волшебный дар или он где-то потерялся по дороге. Но тем не менее у моей дочки складывается совсем другой характер, чем у меня. «Я хочу, чтобы у меня был дом, — говорит мне дочь, — а не вокзал, с которого всё время уезжают в командировки...»

Наш Лёша всё ещё живёт у Веры Васильевны, он тоже стал взрослым и очень умным, прочел все книжки, какие есть на свете, и теперь пишет книжки сам. Эту книжку, между прочим, наполовину написал Лёша. Только я об этом никому не рассказываю...

Институт тропических болезней по-прежнему существует, кокосителин внутривенно там назначают. Поэтому лучше молчать...

Вот пока и всё.

Майя Анатольевна Ганина «Тяпкин и Лёша» (Повесть). Рис. Н. Гольц. — М.: «Детская литература», 1977, 111 стр.

Текст — <http://www.lib.ru/TALES/GANINA/tyapkin.txt>

Скан и обработка иллюстраций, дизайн — Карина Никитская,
www.childhoodbooks.ru

Цена 50 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
"ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА"